

Title	« »
Author(s)	,
Citation	Acta Slavica Iaponica, 22, 238-298
Issue Date	2005
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/39450
Type	bulletin (article)
Note	Sources and Argument
File Information	ASI22_012.pdf

[Instructions for use](#)

Sources and Argument

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕФРОСИН БЕЛОЗЕРСКИЙ

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

1. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ЗАДОНЩИНА»

1.1. История вопроса

История изучения тесно связанных между собой вопросов о времени создания и о подлинности «Слова о полку Игореве» насчитывает уже более двух столетий дискуссий и сотни наименований работ. Сомнения в древности «Слова» появились вскоре после его первого издания в 1800 г. Представители «скептической» школы в русской историографии первой половины XIX в. подвергали сомнению подлинность многих древних памятников, в том числе и летописей. Подделкой Нового времени считали «Слово о полку Игореве» М.Т. Каченовский, Н.П. Румянцев, О.И. Сенковский, М.О. Бодянский, И. Беликов, сомнения в его подлинности высказывали С.М. Строев, И.И. Давыдов, М.Н. Катков, К.С. Аксаков и другие авторы.¹

Аргументом в пользу древности «Слова» многие исследователи считают обнаруженную еще К.Ф. Калайдовичем в начале XIX в. запись писца Домида на последнем листе псковского Апостола апракос 1307 г.: «Сего же лета бысть бои на Русьской земли: Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князехъ сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князехъ которы, и вечи скоротишася человеком» (современный шифр – ГИМ, Синодальное собр., № 722, л. 180). В литературе отмечалась бóльшая архаичность записи Домида по сравнению со схожим текстом «Слова о полку Игореве» («Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вечи человекомъ скратишась»), что объясняется обычно более ранним временем записи, чем существовавший список «Слова».²

Открытие и публикация в 1852 г. «Задонщины»³ позволили сторонникам подлинности и «скептикам» по-новому определить ключевой вопрос спора. В

1 См. обзор основных точек зрения: *Иконников В.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; *Барсов Е.В.* Критический очерк литературы «Слова о полку Игореве» // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Сентябрь. С. 1-45, Октябрь. С. 109-132; R. Jakobson, *Selected Writings*, Vol. IV (The Hague-Paris, 1966), pp. 192-195; *Дмитриев Л.А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995 (далее – ЭСПИ). Т. 1. С. 246-251; *Творогов О.В.* Скептический взгляд на «Слово» // ЭСПИ. Т. 4. С. 306-311.

2 *Дмитриев Л.А.* Домид // ЭСПИ. Т. 2. С. 130-132. Наше объяснение соотношения текстов записи 1307 г. и «Слова о полку Игореве» см. ниже, в разделе 3.2.

3 Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю // Вестник Общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 14, Отд. 2: «Материалы». С. 1-14 (1-я паг.), 1-8 (2-я паг.). См. также:

фокусе внимания исследователей оказалось взаимоотношение «Слова о полку Игореве» (рассказывающего о неудачном походе на половцев 1185 г.) и схожей с ним композицией, а также целым рядом образов, слов, выражений и даже отрывков текста «Задонщины» (повествующей о победе над татаро-монголами на Куликовом поле в 1380 г.). Начиная с Л. Леже,⁴ некоторые исследователи предлагали смотреть на «Слово» как на произведение, вторичное по отношению к «Задонщине», и, следовательно, являющееся подделкой или мистификацией, на которые была богата история науки XVIII – начала XIX в. Наиболее подробно эта точка зрения была изложена в работах А. Брюкнера, А. Мазона, Я. Фрчека, А.А. Зимина, А. Данти, противоположную точку зрения отстаивали Р.О. Якобсон, Е. Ляцкий, Д.С. Лихачев, В.П. Адрианова-Перетц, А.В. Соловьев, Р.П. Дмитриева, О.В. Творогов, А.А. Горский и другие исследователи.⁵

Единственный список «Слова о полку Игореве», Мусин-Пушкинский, был обнаружен графом А.И. Мусиным-Пушкиным при невыясненных до конца обстоятельствах и, как известно, сгорел в московском пожаре 1812 г.⁶ «Задонщина» известна в 6 списках XV-XVII вв.; все они были опубликованы Р.П. Дмитриевой в 1966 г.⁷ Перечислим их в хронологическом порядке, указывая принятые в науке их условные наименования.

- 1) Кирилло-Белозерский список – РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1096, л. 123-129 об., 70-е гг. XV в.
- 2) Исторический второй список – ГИМ, Музейское собр., № 3045, л. 70-73 об., конец XV – начало XVI в. (отрывок).
- 3) Исторический первый список – ГИМ, Музейское собр., № 2060, л. 213-224, конец XVI – XVII в. (начало утрачено).
- 4) Синодальный список – ГИМ, Синодальное собрание, № 790, л. 36 об. – 42 об., XVII в.
- 5) Список Ундольского – РГБ, собр. Ундольского, № 632, л. 169 об. – 193 об., середина XVII в.
- 6) Ждановский список – БАН, шифр 1.4.1, л. 30 об. – 31, вторая половина XVII в. (только начало текста).

Помимо полных и фрагментарных текстов «Задонщины», в нашем распоряжении есть еще небольшая выписка из «Задонщины», находящаяся в декабрьской служебной Минее Стефана Ондреева сына Босого 1516 г.⁸

Древнейший Кирилло-Белозерский список (далее – КБ), принадлежащий перу священноинока Ефросина, содержит особую Краткую редакцию «Задонщины». Точка зрения «скептиков» основана на представлении о первичности

Дмитриев Л.А. Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 345-353 (здесь же библиография).

4 L. Leger, *Russes et Slaves* (Paris, 1890), pp. 89-94. См. о его взглядах и список работ: *Дмитриева Н.Л. Леже Луи // ЭСПИ. Т. 3. С. 137-138.*

5 Обзор взглядов «скептиков» на соотношение «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» и подробную библиографию см.: *Дмитриева Р.П. Задонщина // ЭСПИ. Т. 2. С. 202-211.*

6 См.: *Творогов О.В. Мусин-Пушкинский сборник // ЭСПИ. Т. 3. С. 287-291.*

7 Тексты «Задонщины» / Подгот. к печати Р.П. Дмитриевой // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.-Л., 1966. С. 535-556.

8 Запись была опубликована: Тексты «Задонщины» / Подгот. к печати Р.П. Дмитриевой // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 556.

текста Краткой редакции (списка Ефросина), который рассматривается как первоначальная запись текста «Задонщины», затем расширенная в Пространной редакции (остальные списки). Поскольку в Пространной редакции есть совпадения со «Словом о полку Игореве», отсутствующие в Краткой редакции, «скептики» приходят к выводу о том, что песнь о походе Игоря Святославича восходит ко вторичной версии «Задонщины». Защитники подлинности и древности «Слова о полку Игореве», напротив, считают, что Краткая редакция является не первоначальной версией текста, а лишь сокращением оригинала «Задонщины», в котором читались схожие со «Словом» места в полном объеме.

Принято считать, что существует две основных точки зрения на проблему подлинности «Слова о полку Игореве»: сторонников древности памятника, датирующих написание произведения концом XII – первой половиной XIII вв., и «скептиков», считающих памятник «подделкой» Нового времени (конец XVIII в.). На самом деле еще в начале XIX в. появилась третья, «промежуточная» точка зрения (термин Г.П. Струве)⁹ на проблему. Впервые она была сформулирована Евгением Болховитиновым (1767-1837).¹⁰ Этот исследователь не сомневался в древности произведения, но считал, что нельзя его датировать только на основании упоминаемых князей, «не далее сего времени живших», и предлагал относить «сие сочинение к последующим векам».¹¹ В письме к К.Ф. Калайдовичу 1814 г., опубликованном уже после смерти автора, Е.А. Болховитинов писал, что «Слово о полку Игореве» было создано, по его мнению, не ранее XIV или даже XV в., «когда воображение и дух россиян уже ободрился от успехов над татарами». Желание автора «Слова» написать свой текст «старыми словесы» исследователь понимал как стремление «написать старинным прежних времен слогом, а не современным себе», из чего следует, что он – «не современник событий».¹² Помимо Евгения Болховитинова, мысль о возможности создания «Слова о полку Игореве» в XIV-XVI вв., также без развернутой аргументации, высказывали и другие авторы.¹³ Даже автор, впервые высказавший мысль о вторичности «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине» (Л. Леже), полагал, что памятник мог возникнуть в XIV или XV вв. Наконец, в недавнее время эта точка зрения, наиболее близкая и автору настоящей статьи, была обоснована в исследованиях А.М. Ломова и М.А. Шибаева, заслуживающих подробного рассмотрения.

Статья профессора Воронежского университета А.М. Ломова, посвященная проблеме авторства «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», была опубли-

9 См. его предисловие к изд.: N.K. Gudzy, *History of Early Russian Literature* (N-J., 1949), p. 9 (1-я паг.).

10 Дмитриев Л.А. Болховитинов Евфимий Алексеевич // ЭСПИ. Т. 1 (А-В). С.136-139.

11 Евгений (Болховитинов). Игорев песнопевец // Сын Отечества. 1821. Ч. 71, № 27. С. 35.

12 См.: Полевой Н.А. Любопытные замечания к «Слову о полку Игоревом» // Сын Отечества. 1839. Т. 8. Разд. «Известия и смесь». С. 18.

13 *Свенцицкий* I. Русь і половці в староукраїнському писменстві. Львів, 1939. С. 36-60; J. Fennell, A. Stokes, *Early Russian Literature* (London, 1974), pp. 191-206; *Зимин* А.А. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 99 (предисловие А.А.Формозова); P. Contal, "Le Dit de l'ost du prince Igor [Slovo o polku Igoreve] et le probleme de son authenticite," *Slovo* 16 (1995-1996). Le rendez-vous des bicentenaires: Les Langes'о, Le Slovo (d'Igor), Catherine II (Paris, 1996), p. 38.

ликована в 2000 г.¹⁴ Исследователь исходит из установленного, на его взгляд, факта, что автором «Задонщины» является некто Софоний Рязанец, поскольку его имя «с опеределенными модификациями (Сафон, Ефоний) упоминается либо в заголовках рукописей (Кирилло-Белозерский список), либо непосредственно в тексте (список Ундольского и список Исторического музея-1), либо там и там (Синодальный список)».¹⁵ Отметив то обстоятельство, что в списках «Задонщины» Софоний часто именуется «старцем», исследователь рассмотрел два варианта значения этого слова: «старцы градские» и старцы-иноки. «Если учесть, что в списке Исторического музея-1 Софония именуют «ереем», можно допустить, – пишет А.М. Ломов, – что в действительности он был монахом: редактор списка, видимо, имел какую-то информацию о принадлежности Софония к духовному сословию, но не знал в точности, к какому – черному или белому, и наугад поставил номинацию *иерей* (священник), которая по смыслу никак не сопрягается с понятием *старец*».¹⁶ Здесь автор явно не учел возможности того, что «Софоний» являлся иеромонахом – иноком и священником одновременно.

А.М. Ломов обратил внимание на фразу «Задонщины», варьирующуюся в разных списках, и имеющую наиболее полный вид в списке Ундольского: «Преже восписах жалость земли Руские и прочее от книг приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Владимиру Ондреевичю».¹⁷ Полагая, что «второе» произведение Софония – это «Задонщина», исследователь предлагает рассматривать «первое» упомянутое сочинение «как некий X», обладающий совокупностью определенных признаков: оно «базируется на историческом материале, извлеченном из летописей («от книг приводя») и представляет собой ретроспективное описание событий прошлого, частично тождественное по содержанию первому (у них общее семантическое ядро «жалость»), частично отличное от него (оно «жалость», но не «похвала»)».¹⁸ Этих достаточно неопределенных признаков А.М. Ломову оказывается достаточно, чтобы прийти к выводу: наиболее приемлемым «кандидатом» на роль первого творения Софония является «Слово о полку Игореве» (оно предшествует «Задонщине», «проникнуто жалостью», но в нем «нет похвалы князьям-сеператистам»). Если даже понимать фразу «Задонщины» в соответствии с ее интерпретацией А.М. Ломовым, остается неясным, почему искомым «текстом X» не может быть какой-нибудь другой памятник, например, «Слово о погибели Русской земли»?

Еще в меньшей степени может считаться доказательным другой аргумент исследователя: «все выдающиеся произведения мировой литературы создавались в эпохи полной консолидации национальных сил», а время после битвы на Каяле 1185 г. «к числу таких периодов не относится» – «русскому народу было явно не до изящной словесности», в то время как период конца

14 Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Диалогия Софония старца? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 38-60.

15 Там же. С. 39-40.

16 Там же. С. 40-41.

17 Там же. С. 40.

18 Там же. С. 42.

XIV-XV вв. был своеобразным «малым Ренессансом», окрашенным «в мажорные тона».¹⁹ Такого рода историко-литературные обобщения немногочисленны.

Наибольший интерес в работе А.М. Ломова вызывают его наблюдения над языковыми особенностями «Слова о полку Игореве», традиционно считающимися признаками его ранней датировки. Исследователь обратил внимание на прилагательное «нынѣшний» (во фразе «отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря»²⁰), обычно понимаемое в научной литературе как «ныне живущий», «здравствующий», «современный». Возражая такой трактовке, А.М. Ломов считает, что выражение «нынѣшний Игорь» имеет значение «современный событиям, о которых идет речь». Отметим, что, по мнению Я.С. Лурье, настоящее время при описании прошедших событий употреблялось также Иосифом Волоцким «как средство для усиления выразительности его рассказа»; в качестве аналогии исследователь привел «Историю о великом князе Московском» Андрея Курбского.²¹ Другое выражение «Слова о полку Игореве» – «се время» («свивая славы оба полы сего времени», «за обиду сего времени»²²), по мнению А.М. Ломова, значит не «настоящее», а «упомянутое время».²³

Исследователь предложил любопытный аргумент в связи с анализом сюжетно-композиционных особенностей «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». По его мнению, маловероятно, чтобы автор «Задонщины», собираясь описать события 1380 г., случайно обнаружил древний памятник, обнаруживающий удивительное типологическое сходство с событиями Куликовской битвы («и там и тут русский князь вместе со своим братом отправляется на врагов-нехристиан («поганых»), степных кочевников, пришельцев из «незнаемой» восточной страны, и вступает с ними в кровопролитное сражение неподалеку от Дона»); «скорее всего, – пишет А.М. Ломов, – в поисках исторической аналогии к событиям на Непрядве Софоний обратился к русским летописям..., нашел эту аналогию в летописной повести о походе новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 г. и использовал ее для реализации своего творческого замысла».²⁴ Эта версия, считает исследователь, хорошо объясняет многочисленные параллели и взаимозависимость «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» как частей единого целого – диалогии (диптиха).

Предложенная гипотеза позволяет А.М. Ломову следующим образом объяснить использование в «Слове о полку Игореве» выражения «старые словесы» («начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий»²⁵): Софоний строил свое повествование о давнишнем походе Игоря, стилизуя изложение «под старину», используя архаизмы и историзмы, в то время как «в рассказе о походе Дмитрия Ивановича он естественным образом оставался в рамках современного ему древнерусского языка».²⁶ Таким образом, исследователь объясняет наличие в языке «Слова о полку Игореве» архаизмов (как лексических, так и граммати-

19 Там же. С. 42-44.

20 ЭСПИ. 1. С. 9 (здесь и далее текст «Слова о полку Игореве» цитируется по этому изданию).

21 Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.-Л., 1960. С. 104.

22 ЭСПИ. Т. 1. С. 9, 12.

23 Ломов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 44-46.

24 Там же. С. 47.

25 ЭСПИ. Т. 1. С. 9.

26 Ломов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 50.

ческих) сознательной установкой автора. В то же время он отмечает регулярное использование в этом произведении синтаксических конструкций, характерных не для XII в., а для более позднего времени (унификация форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных, прилагательных и причастий; употребление во множественном числе существительных родительного-винительного падежа для выражения одушевленности при указании на лиц мужского пола). А.М. Ломов считает, что поздние морфологические явления в таком количестве (десятки примеров) не могли появиться под пером переписчиков, так как в «Слове о полку Игореве» сохранен «в неприкосновенности огромный лексический материал», который скорее был бы подвержен правке.²⁷

Основываясь на традиционной датировке «Задонщины», исследователь приходит к заключению, что оба памятника были написаны в конце XIV в., и принадлежат перу Софония Рязанца, образуя своеобразную дилогию. Завершая статью, А.М. Ломов пишет: «Это допущение потребует в дальнейшем новых, дополнительных доказательств, которые могут быть получены, если будут даны исчерпывающие ответы на вопросы: Где жил и работал Софоний Рязанец? Каково было его творческое окружение? Влияние каких литературных произведений он испытал? И т.д. Но подобная задача должна, конечно, решаться в рамках уже совсем другой статьи».²⁸

Прошло всего три года после опубликования работы А.М. Ломова, и как бы в ответ на поставленные воронежским исследователем вопросы появилась ожидаемая им «совсем другая статья».²⁹ Ее автор, петербургский историк-источниковед М.А. Шibaев, судя по всему, не был знаком с исследованием А.М. Ломова, но его выводы, сделанные на совершенно других основаниях, в значительной степени совпадают с рассмотренной гипотезой.

Обратившись вслед за Р. Якобсоном, А.А. Зиминым, А. Данти, Р.П. Дмитриевой, О.В. Твороговым и многими другими авторами к анализу взаимоотношения сохранившихся шести списков «Задонщины», М.А. Шibaев приходит к выводу, что Кирилло-Белозерский (Ефросиновский) список восходил непосредственно к архетипу «Задонщины», а не имел общего протографа с Синодальным списком. Близость Синодального списка одновременно к Кирилло-Белозерскому списку, с одной стороны, и к остальным четырем спискам (объединяемым в редакцию Ундольского), с другой стороны, исследователь объясняет тем, что создатель Синодального списка соединил (контаминировал) тексты архетипа памятника и его вторичной версии. Выявив редакторские изменения архетипного текста в редакции Ундольского, М.А. Шibaев указал на их смысловую нагрузку, позволяющую датировать создание этой версии текста временем после присоединения Новгорода к Москве (1478 г.) и окончательной победы над татарами (1480 г.). В перечне погибших в этой версии текста были упомянуты представители «не всех княжеств, а только тех из них, которые на момент создания редакции уже были включены в орбиту Москвы»; отсутствие тверичей позволяет определить «верхнюю дату» создания редакции как 1485 г.³⁰

27 Там же. С. 53-55.

28 Там же. С. 58-59.

29 Шibaев М.А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29-57.

30 Там же. С. 38-40.

Определяя источники «Задонщины», М.А. Шibaев поддерживает вывод М.А. Салминой, считавшей, что на памятник оказала влияние Пространная летописная повесть о Куликовской битве, дошедшая до нас в составе Новгородской четвертой (далее – Н4) и Софийской первой (далее – С1) летописей.³¹ Сопоставление текстов показывает, что автор «Задонщины» знал не только эту Пространную повесть (в версии С1), но и другой памятник, впервые появляющийся в составе свода-протографа Н4 и С1 – «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского».³²

По справедливому замечанию М.А. Шibaева, «верхняя грань» датировки создания «Задонщины» определяется датой Кирилло-Белозерского списка (не позднее сентября 1474 г.). Упоминание в тексте «белозерских» соколов и кречетов, характерное как для Кирилло-Белозерского списка, так для списков редакции Ундольского, исследователь считает восходящим к архетипу «Задонщины». Кроме того, он отметил особое внимание к белозерским князьям (в списках Ундольского, Историческом первом и Синодальном), а также происхождение самого раннего списка памятника из Кирилло-Белозерского монастыря. Наконец, в этой обители уже в 60-х гг. XV в. располагали списком С1, следовательно, «для создания текста Задонщины был необходимый летописный текст».³³ Все эти обстоятельства позволяют М.А. Шibaеву прийти к заключению, что архетипный текст «Задонщины» был создан в Кирилло-Белозерском монастыре между серединой XV в. и 1474 г. Полагая, что Софоний являлся автором «Задонщины», М.А. Шibaев пытался найти прямые подтверждения своей гипотезы. Ему удалось обнаружить в монастырском Синодике упоминания двух Софониев и одного Ионы «резанца», но именно «Софония Рязанца» в кирилло-белозерских источниках нет.

Анализируя соотношение текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», исследователь пришел к парадоксальным выводам. Он отметил, вслед за Д.С. Лихачевым и другими авторами, безусловно первичные чтения рассказа о походе Игоря Святославича³⁴: «изображение солнца в Слове играет роль дурной приметы в виде солнечного затмения (которое действительно было), а в Задонщине упоминание солнца связано со счастливым предзнаменованием, что свидетельствует о вторичности ее текста»; «так же вторичным является упоминание «полоняных» вестей в Задонщине, т.е. вестей о плене, поскольку, в отличие от событий 1185 г., в 1380 г. в плен никто не попал».³⁵ С другой стороны, М.А. Шibaев выделяет в «Слове о полку Игореве» чтения, вторичные, как он считает, по отношению к «Задонщине».³⁶ Даже если атрибутировать оба текста одному сочинителю, возникает вопрос: какой же памятник был написан

31 См.: Салмина М.А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 376-383.

32 Шibaев. «Задонщина». С. 41-44.

33 Там же. С. 46-47; см. подробнее: Шibaев М.А. К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской 1 летописи и сборников Ефросина // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, текстология. СПб., 1999. С. 200-207.

34 См.: Лихачев Д.С. Черты подражательности «Задонщины» (к вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 304, 307.

35 Шibaев. «Задонщина». С. 49.

36 Там же. С. 50-53.

раньше? Или автор работал одновременно над «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», попеременно заимствуя фрагменты то из первого произведения во второе, то наоборот? Такое предположение кажется крайне маловероятным. Попробуем рассмотреть внимательнее те примеры, которые, согласно М.А. Шибаеву, свидетельствуют о первичности «Задонщины».

1) Исследователь считает, что выражение «неготовые дороги» в «Слово о полку Игореве» попало из «Задонщины», а в нее, в свою очередь – из Пространной летописной повести (С1):

С1 6888 (1380) г.	«Задонщина»	«Слово о полку Игореве»
И рече: Брате измаиловичи, побезимъ неготовыми дорогами...	И побегше неуготованными дорогами...	А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому...

Заметим, что «Слово» ближе к С1, чем «Задонщина» («неготовые» дороги вместо «неуготованных»), поэтому посредничество последней предположить затруднительно. То обстоятельство, что половцы в 1185 г. продвигались к Дону «на телегах», вовсе не значит, как полагает М.А. Шибаев, что они не могли «двигаться быстро»: бесспорно, русские войска были окружены неожиданно, в результате стремительного маневра противника.

2) Другой «явный алогизм» М.А. Шибаев находит, сопоставляя слова князя Игоря («Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти») и Пересвета («Лутчи бы нам потятным быти, нежели полоненым быти от поганых татаръ»), список Ундольского). Исследователь считает, что фраза была произнесена Игорем «в самом начале похода, когда русскому войску еще ничего не угрожало», и что «дальнейшие события показали полную голословность его утверждения – он сам, его брат и сын не погибли, а как раз попали в плен».³⁷ Во-первых, отметим, что с текстологической точки зрения никаких признаков первичности «Задонщины» здесь нет. Во-вторых, Игорь произнес свои слова не просто «в самом начале похода», а в момент солнечного затмения – дурного предзнаменования, поэтому они были вполне уместны. Наконец, высказывание Игоря Святославича отнюдь не «голословно». По смыслу оно непосредственно связано с последующим пленением, которое как раз объясняется тем, что он проигнорировал знамение («жалость ему знамение заступи»³⁸), а последующий побег из плена, связанный с риском для жизни, подтверждает, что князь действительно был готов оказаться «потятым», чтобы не оставаться «полоненым».

3) М.А. Шибаев отмечает упоминание «костей татарских» в С1, «Задонщине» и «Слове», и, очевидно, также считает, что чтение «Задонщины» первично по отношению к «Слову»:

С1 6888 (1380) г.	«Задонщина»	«Слово о полку Игореве»
	Черна земля под копыты, а кости татарскими поля насеяша, а кровью ихъ земля пролита бысть...	Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна...
Великии же князь ... ставъ тое ноци на поганыхъ обедищех и на костехъ татарьских...	И стал великии князь ... на костехъ...	

37 Там же. С. 51.

38 ЭСПИ. Т. 1. С. 9.

Исследователь полагает, что «только в результате совершенно фантастического совпадения эпизод о костях мог оказаться в трех памятниках независимо друг от друга».³⁹ Здесь явно произошло какое-то недоразумение: если «Задонщину» и «Слово о полку Игореве» объединяет уникальный поэтический образ земли, засеянной костями и политой кровью, то общее чтение С1 и «Задонщины» – это обычная формула воинских повестей «статьи на костях» – «оставить за собой поле битвы, выиграть сражение».⁴⁰ Выражение М.А. Шибаяева «эпизод о костях» не может быть отнесено ко всем памятникам, так как перед нами два совершенно разных «эпизода», а значит ни о каком «фантастическом совпадении» речи быть не может. Скорее можно думать, что автор «Задонщины» контаминировал чтения С1 и «Слова о полку Игореве», поэтому в его тексте оказалось чтение «кости татарские».

4) Еще одну загадку, по мнению М.А. Шибаяева, таит слово «Лукоморье», встречающееся в летописях (в том числе в С1) при описании намерения князя Игоря идти «за Донъ», «в Луку моря»; в «Слове о полку Игореве», где упоминается, что был захвачен в плен хан Кобяк «изъ Луку моря»; и в «Задонщине» (татары убегают «в Лукоморье»). Вопреки мнению М.А. Шибаяева, это слово далеко не редко встречается в источниках.⁴¹ Исследователь полагает, что «если допустить возможность влияния Слова на Задонщину, то совершенно необъяснимым совпадением является упоминание «Лукоморья» в той годовой статье в С1, где как раз сообщается о походе князя Игоря».⁴² Логика М.А. Шибаяева здесь совершенно непонятна: если автор «Слова» использовал летопись типа С1, то как раз из ее статьи о походе Игоря Святославича он и должен был позаимствовать слово «Лукоморье»; «Задонщина» же перенесла этот топоним в описание событий 1380 г.

5) М.А. Шибаяев отмечает совпадение выражения «наполнился ратного духа» в С1 (Повесть о нашествии Тохтамыша), в «Слове» и в «Задонщине». Это устойчивое словосочетание встречается также в других памятниках древнерусской литературы.⁴³ Что же касается анализируемых памятников, нет никаких текстологических оснований считать «Задонщину» первичной по отношению к «Слову о полку Игореве» и в этом случае.

Таким образом, предпринятая М.А. Шибаяевым попытка обнаружить аргументы в пользу первичности текста «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве», на наш взгляд, не увенчалась успехом. Намного убедительнее выглядят приведенные М.А. Шибаяевым примеры, подтверждающие вторичность отдельных чтений «Слова» по отношению к летописям типа С1. В некоторых случаях можно говорить лишь о близости чтений, поскольку невозможно обнаружить бесспорные признаки первичности того или иного текста («Лепо есть намъ, братье...» в С1 под 1389 г. – и «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие...» в «Слове»; «невеселую ту годину» в С1 под 1380 г. – и «невеселая година» в «Слове»; «земля тутняше» в С1 под 1380 г. – и «земля тутнетъ» в «Слове»). Только два примера из числа приведенных М.А. Шибаяевым следует признать не просто убедительными, но имеющими силу доказательства. Поскольку для дати-

39 Шибаяев. «Задонщина». С. 51.

40 См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1969. Вып. 3. С. 9.

41 См.: Бобров А.Г. Лука моря // ЭСПИ. Т. 3. С. 183-185.

42 Шибаяев. «Задонщина». С. 52.

43 См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1967. Вып. 2. С. 58.

ровки «Слова о полку Игореве» они имеют огромное значение, приведем их полностью.

1) В рассказе о Раковорской битве 1268 г. Новгородская первая летопись говорит: «Новгородци же сташа в лице железному полку противу великой свиньи».⁴⁴ В С1 слово «противу» оказалось переставлено, в результате чего текст приобрел следующий вид: «...сташа с новгородьци противъ железного полку великой свиньи».⁴⁵ Наконец, в «Слове о полку Игореве» читаем: «Отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ...».⁴⁶ Комментируя эти чтения, М.А. Шибаев заметил: «эпитет «железные» к легковооруженному войску кочевников-половцев совершенно неприменим. Зато он точно подходит к тяжело-вооруженным рыцарям в доспехах, о столкновении с которыми пишет летописец... В тексте Слова определение было механически заимствовано и отнесено к «полкам половецким», причем повлиял на «Слово о полку Игореве» текст именно типа С1».⁴⁷

2) Второй доказательный аргумент М.А. Шибаева относится к чтению «Слова о полку Игореве» «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву».⁴⁸ Речь идет о битве на Нежатиной ниве около Чернигова в 1078 г. Еще И.М. Кудрявцев более полувека назад обратил внимание на то, что в «Повести временных лет» (как в Лаврентьевском, так и в Ипатьевском списках) говорится о захоронении умершего князя не в Софийском соборе, а «в церкви святых Богородица», то есть в Десятиной церкви, в то время как согласно С1 его хоронят «в святей Софии в Киеве».⁴⁹ Такой же текст читается в Н4, причем М.А. Шибаев, сопоставив целиком данное летописное известие в С1-Н4 с текстом «Повести временных лет», показал его вторичность, заключающуюся «в неудачном сокращении» и даже «неправильном понимании событий» составителем протографа летописей XV в. «В этом контексте, – отмечает М.А. Шибаев, – сообщение о захоронении Изяслава в Софии необходимо признать не следом использования раннего источника, а искажением информации в ходе сокращения и ошибочной интерпретации летописного текста».⁵⁰

Таким образом, эти два чтения, если они не объясняются вторичной правкой текста «Слова о полку Игореве» редактором XV в., могут, действительно, свидетельствовать о создании этого памятника не ранее появления свода-прото-

44 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 316.

45 См.: Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 345.

46 См.: ЭСПИ. Т. 1. С. 11.

47 Шибаев. «Задонщина». С. 52-53. Следует уточнить, что чтение «...противъ железному полку великое свинѣ» встречается во Второй выборке текста Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК2; Полное собрание русских летописей. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. С. 119), следовательно, присуще уже общему протографу этой летописи и С1, то есть Своду митрополита Фотия.

48 См.: ЭСПИ. Т. 1. С. 10.

49 Кудрявцев И.М. Заметка к тексту: «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ...» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1949. Т. 7. С. 407-409.

50 Шибаев. «Задонщина». С. 54. Уточним, что чтение «...в святѣй Софии в Киевѣ» также встречается уже в НК2. С. 98, следовательно, находилось в общем протографу этой летописи и С1 (Своде митрополита Фотия).

графа С1-НК2 (и Н4) (по нашим представлениям, этот летописный памятник – Свод митрополита Фотия, созданный в конце 1410-х гг.⁵¹).

Подводя итоги проведенного исследования, М.А. Шибаев пишет: «Взаимные пересечения Слова и Задонщины наиболее достоверно можно объяснить тем, что оба памятника были созданы с использованием текста С1 в Кирилло-Белозерском монастыре примерно в одно время (около третьей четверти XV в.) и одним человеком. Имя его Софоний».⁵² Такой смелый вывод представляется нам весьма привлекательным в своей первой части. Но во второй части («Имя его Софоний») он кажется недостаточно аргументированным и, скорее всего, ошибочным по следующим причинам.

Во-первых, в работах как А.М. Ломова, так и М.А. Шибаева считается не требующим доказательств фактом, что автором «Задонщины» был Софоний. Заметим, однако, что Р.П. Дмитриева в исследовании, опубликованном еще в 1979 г., специально рассмотрела вопрос о его авторстве.⁵³ На основе анализа всех упоминаний имени Софония в заглавиях и в текстах списков «Задонщины» и в восходящих к ней версиях «Сказания о Мамаевом побоище», Р.П. Дмитриева пришла к выводу, что Софоний не мог быть автором «Задонщины». Признавая упоминание о нем в тексте памятника восходящим к архетипу, исследовательница установила, что автор «Задонщины» ссылается на Софония как на своего предшественника подобно тому, как автор «Слова о полку Игореве» ссылался на Бояна.⁵⁴ Р.П. Дмитриева сделала вывод о тесной логической связи упоминаний Бояна и Софония в тексте «Задонщины». По ее мнению, Софонию принадлежало не дошедшее до нас произведение о Куликовской битве, имевшее поэтический характер (написанное «песнями, гусленными словесы»). В таком случае, считает исследовательница, автор «Задонщины» воспользовался при создании своего текста двумя поэтическими произведениями – «Словом о полку Игореве» и сочинением Софония. Последнее она предложила отождествить с предполагаемым А.А. Шахматовым общим источником «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище».⁵⁵ М.А. Шибаев, возражая Р.П. Дмитриевой, говорит, что произведение, протографичное по отношению к «Задонщине», «является лишним текстологическим звеном в соотношении произведений о Куликовской битве»,⁵⁶ но аргументация Р.П. Дмитриевой вовсе не основана на гипотезе А.А. Шахматова (в первую очередь, она показала, что упоминание Софония в самом тексте «Задонщины» противоречит гипотезе о его авторстве). Кроме того, речь идет не о письменном источнике, а скорее о гипотетическом устно-поэтическом сочинении (наподобие «песен» Бояна), по-

51 Бобров А.Г. Летописный свод митрополита Фотия: (Проблемы реконструкции текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 90-130.

52 Шибаев. «Задонщина». С. 57.

53 Дмитриева Р.П. Был ли Софоний рязанец автором Задонщины? // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 34. С. 18-25 (переиздано под другим заглавием: Дмитриева Р.П. Об авторе «Задонщины» // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 360-368).

54 Дмитриева Р.П. Об авторе «Задонщины». С. 363.

55 Дмитриева Р.П. Там же. С. 368; ср.: Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 181-191.

56 Шибаев. «Задонщина». С. 47.

священном Куликовской битве. «Текстологическим» путем существование такого произведения доказать или опровергнуть невозможно.

Во-вторых, следует отметить, что указание в заглавии Ефросиновского Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» на авторство Софония («Писание Софония старца рязанца») содержит весьма «подозрительную» рифму: «старца» – «рязанца». Д.С. Лихачев показал, что рифма воспринималась в Древней Руси как балагурство, «валяние дурака»; рифма «оглуляет» и «обнажает» слово, «провоцирует сопоставление разных слов», «делает схожим несхожее». ⁵⁷ Более того, «рифма служит знаком ненастоящего, выдуманного, шутовского». ⁵⁸ Заметим, что Ефросин при этом мог иметь в виду не имя реального человека, а саму этимологию имени Софоний (от греч. «мудрый»), поэтому относиться к свидетельству этого заглавия об авторстве некоего «мудрого» «старца-рязанца» надо с большой осторожностью.

Наконец, как уже отмечалось выше, мы не можем признать убедительными аргументы М.А. Шибаева в пользу того, что «Задонщина» содержит первичные чтения по отношению к «Слову о полку Игореве». Даже если летопись «типа С1» использовалась при создании «Слова о полку Игореве», появление этого памятника должно было предшествовать «Задонщине». Следовательно, атрибуция обоих памятников одному автору, а тем более конкретно Софонию, пока что не может считаться доказанной.

В то же время наблюдения М.А. Шибаева, касающиеся связи архетипного текста «Задонщины» с Кирилло-Белозерским монастырем, несомненно, заслуживают самого пристального внимания, и позволяют искать автора данного сочинения о Куликовской битве среди иноков указанной обители. Особое значение для решения этого принципиального вопроса имеет древнейший Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Как было признано исследователями, совершенно по-разному рассматривающими соотношение «Слова» и «Задонщины» – А.А. Зиминым и Р.П. Дмитриевой, – особенности текста КБ являются результатом работы создателя этого списка священноинока Ефросина. ⁵⁹ Таким образом, существует предположение, что Ефросин Белозерский может считаться автором Краткой редакции «Задонщины».

1.2. «Задонщина» и проблема контаминации

Пытаясь найти текстологические доказательства вторичности Краткой редакции, исследователи выдвинули гипотезу о том, что список КБ, имеющий ряд общих чтений с Синодальным списком, восходит к общему с ним протографу. Таким образом, предполагается существование двух изводов «Задон-

57 Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 21; Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 1997. С. 357.

58 Лихачев. Смех как мировоззрение. С. 51.

59 См.: Зимин А.А. Две редакции «Задонщины» // Труды Московского гос. историко-архивного института. М., 1966. Т. 24, вып. 2. С. 17-54; Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 199-263; Она же. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // Там же. С. 264-291.

щины» – Синодального (представленного списками КБ и Синодальным) и Ундольского (представленного остальными списками).⁶⁰ Существование двух изводов, однако, было подвергнуто сомнению А. Данти и М.А. Шibaевым,⁶¹ которые утверждали, что текст Синодального списка возник в результате контаминации (сведения) чтений Краткой редакции (списка КБ) и Пространной редакции (или «редакции Ундольского»). Наличие контаминации текста в Синодальном списке впервые было установлено Р.П. Дмитриевой, однако исследовательница сочетала признание контаминации с гипотезой о существовании Синодального извода текста «Задонщины».⁶² На самом деле, если текст Синодального списка возник в результате «сведения» чтений КБ и Пространной редакции, предположение о существовании особого Синодального извода оказывается ненужным. В таком случае ничто не мешает возвести текст Краткой редакции (или списка КБ) непосредственно к архетипу «Задонщины» без каких-либо промежуточных звеньев. Этот принципиально важный вывод был отвергнут Д.С. Лихачевым, настаивавшим на том, что текст Кирилло-Белозерского списка «никак не может рассматриваться как древнейший. Это редакция, созданная Ефросином в составе извода Син. Тем самым отпадает *главный аргумент скептиков* (курсив мой – А.Б.), считавших, что «Слово о полку Игореве» создано на основе «Задонщины» в сравнительно позднее время».⁶³

Поскольку существование Синодального извода настолько важно, что рассматривается как довод, опровергающий «*главный аргумент скептиков*», остановимся на этом вопросе несколько подробнее. В приведенной ниже таблице рассмотрены чтения списков КБ, Синодального (далее – С) и Исторического первого (далее – И-1). Чтения списка С, восходящие к КБ, выделены полужирным шрифтом, а восходящие к версии текста И-1, выделены курсивом. Дополнения составителя версии текста С заключены в скобки.

КБ	С	И-1
Писание Софония старца рязанца , благослови отче. Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича.	Сказание Сафона резанца , (исписана руским князем) <i>похвала, великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу</i>	В лето 6887. <i>Похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондреевичю, внегда победиша пособьем божиим поганана Мамаа съ всеми его силами.</i>

60 См.: P. Jakobson, D. Wort, *Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field* (The Hague, 1963); Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков «Задонщины». С. 210-231; Творогов О.В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 292-343.

61 A. Danti, "Criteri e metodi nella edizione della 'Zadonscina'," *Annali della facolta di lettere e filosofia della Universita degli studi di Perugia*, Vol. 6 (1968-1969)(Roma, 1970), pp. 185-220; Шibaев. «Задонщина». С. 29-40.

62 Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков «Задонщины». С. 231-263 (стемма на С. 262).

63 Лихачев Д.С. Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций «Задонщины»: (Об исследовании Анджело Данти) // Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 278-295.

<p>И рече Ослебя брату своему Пересвету: Уже, брате, вижу раны на сердце твоём тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю на белую ковылу моему чаду Иякову.</p>	<p>Говорит Услабо <i>чернец</i> брату своему Пересвету чернцу: Брате Якове, <i>вижу на теле твоём</i> (многия) раны, пасти главе твоей на траву ковылу, брате <i>чадо Якове</i>, но зелену ковылу <i>зо землю Рускую и зо обиду великого князя Дмитрея</i> (и за брата его князя Володимера Ондреевича).</p>	<p>И молвяше брат его Ослабе <i>черънецъ</i>: Брате Пересвет, <i>вижу на тели твоём</i> раны, уже голове твоей летети <i>на траву ковыль</i>, а <i>чаду моему Якову</i> на ковыли земли не лежати на поли Куликове <i>за веру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича</i>.</p>
<p>Тогда же восплакашася горко жены болярыни по своим осподарехъ въ красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово:</p>	<p>Воспели <i>птицы жалосными песнями, восплакали кнегини и болярыни избиенных мужей</i>. Микулина жена Марья рано плакаше у Москве града но заборолех, а рекучы так:</p>	<p>Въспели бяше <i>птицы жалостные песни</i>, вси <i>въсплакалися к ней болярыни избьенныхъ</i>, воеводины жены. Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева <i>рано плакашася у Москвы</i> у берега <i>на забралах</i>, а ркучи:</p>
<p>Уже, сестрици наши, мужей нашихъ в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны.</p>	<p><i>Уже нам солнце померкло во славномъ граде Москве. Припахнули нам от быстрого Дону поломянья вести, носяше великую беду, мужей наших</i> раты прибили, <i>изседоша удалъцы и з борздых коней на судное место на поли Куликове</i>, положили головы своя от святыя (божыя) церкви, за православъную веру (христьянскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича).</p>	<p>Се <i>уже нам обема солнце померкне на славне гради Москве. Припахнули к нам от быстрого Дону полонянья вести, носящу великую беду выседоша удалъцы з боръзыхъ коней на судное место на поле Куликове</i>.</p>
<p>первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю,</p>	<p>первому князю (рускому на земли) Киевской Рурику, великому князю Володимеру Святославычу, великому князю Ерославу Володимеровичю.</p>	<p>первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 – великому князю Владимеру Святославычу Киевскому, третью – великому князю Ярославу Володимеровичю.</p>
<p>Поменувше прадеда князя Володимера Киевскаго, царя русскаго.</p>	<p>Поменовыша прадида <i>своего</i> (великого) князя Володимера Киевского.</p>	<p>Помянуша прадеда <i>своего</i> князя Владимера Ондреевича Киевскаго.</p>
<p>царя русскаго... гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича.</p>	<p>Гнездо есмо князя Володимера Киевского руского царя.</p>	<p>Гнездо есмя великого князя Владимеры Киевскаго.</p>
<p>гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича.</p>	<p><i>Брате милыи, сами есмо себе два браты, сынове есмо велико князя Ивана Данилевача</i> (Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича). <i>А воеводы в нас воставлены...</i></p>	<p><i>Брате князь Владимире Ондреевич, сами себе есмя два брата, воеводы у нас уставлены...</i></p>

Молвяше Андреи к своему брату Дмитрею: Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы.	<i>И рече (князь) Ондреи Брянскийи брату своему князю Дмитрею Волынскому: «Княже Дмитрею, сами есмо себе два брата, сынов есмо Алгордовы, а внучата есмо Гедымонтавы.</i>	<i>И молвяше Ондреи Олгердович брату своему Дмитрию: «Сами есми себе два брата, а внукуы есмя Едимантовы,</i>
Славии птица, что бы ты еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея Половетцаго , Дмитриа Брянскаго .	<i>А соловеи, летняя птица, (красных днеи втеха), што жъ бы еси выщектали из земли Залеское <i>двух брат Алгиродичовы, (князя) Дмитрия Волынского, а (князя) Ондрея Бранского.</i></i>	<i>О соловеи, летняя птица, что бы ты, соловеи, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи <i>дву братьов Олгердовичев, Ондреи да брат его Дмитреи Олгердовичев, да Дмитреи Волынскийи.</i></i>
Солнце ему на востоце сентября 8 в среду на рожество пресвятыя Богородица ясно светить, путь ему поведаетъ.	<i>Солнце ему ясная сияет на востоц, путь поведает... ...И билися из утра до полудня в субботу на рожество святыя Богородица месяца сентебра во 8 день.</i>	<i>Солнце ему ясно на въстоцы сияетъ... ...Из утра билися до полудни в субботу на рожество святыи Богородицы.</i>
Кони ржутъ на Москве, бубны бьютъ на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли Русской, чудно стязи стоять у Дону великого.	<i>Кони ирзутъ но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коламне, звенит слава по всей земли Руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези.</i>	<i>На Москве кони ръжут, звенит слава руская по всей земли Руской, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпохове, стоят стязи у Дону у великого на брезе.</i>
...укупим землямъ диво.	<i>...искупим животом славы, учинить имам диво.</i>	<i>...укупим животу славу.</i>
Ти бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеаны, конецъ копия вскармлены, с востраго меча поены в Литовской земли.	<i>Тые ж бо есть сынове храбрии, родишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, конеи вскармлены, с коленных стрел воспоены в Литивской земли.</i>	<i>Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлелияны в Литовъской земли.</i>
...гремять удальцы золочеными шеломы , черлеными щиты.	<i>...гримят руская удальцы золотыми <i>доспехи</i> и шеломы и черлеными считы.</i>	<i>...гремят удальцы <i>руския</i> золочеными <i>доспехы</i>, черлеными щиты.</i>
...а вои наши отнимають.	<i>...а хоробрюя нашу дружину побиваютъ.</i>	<i>...отъимають отчину нашу.</i>
... только часто вороны грають.	<i>...но только часто вороны играютъ.</i>	<i>...но одне вороне грають.</i>
Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону, испытаемъ мечи свои булатныя.	<i>Соберем себе милую дружину храбрих <i>панов</i>, а сильных <i>удальцах</i>, а сами усядем на борздыя кони, <i>посмотрим</i> быстрого Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов <i>своих литовских а шоломов татарских, солиц немецких а бонадов бесумерских</i>.</i>	<i>... изберем братью милую <i>пановей</i> удальи Литвы, <i>храбрых удалцевъ</i>, и сами сядем на борздыя своя комони, <i>посмотримъ</i> быстрого Дону, изобьем шоломы мечи, испытаем <i>мечевъ своих литовъских о шеломы татарския, сулицъ немецких баиданы бесерменьския</i>.</i>

не тури возрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганыхъ князи великих и боляръ сановных	не турове рано возрули на поли Куликове, возрули <i>воеводы</i> сильныя, бояре <i>великаго князя</i> (Дмитрея Ивановича, вои) и <i>князя белозерстии</i> , (побитыи и) <i>посеченыи от паганных татар</i> .	не тури возгремели на поле Куликове, побежени у Дону великого. То ти не туры побежени, посечены князи рускыя и воеводы великого князя, и князи <i>белозерстии</i> <i>посечени от поганых татар</i> .
--	--	--

Наличие контаминации в тексте, представленном Синодальным списком, представляется несомненным. Из приведенных примеров очень хорошо видно, как древнерусский книжник – создатель версии Синодального списка – работал одновременно с двумя текстами «Задонщины», творчески соединяя их в своем варианте.

Вообще контаминации были достаточно распространенным явлением в древнерусской рукописной традиции. Д.С. Лихачев писал: «Было время, когда текстологи считали, что у писца рукописи был перед глазами только один оригинал, что писец переписывал его «не думая», не сличая с другими рукописями и не производя никакой его проверки».⁶⁴ Отметив, что это мнение «практически» было опровергнуто А.А. Шахматовым в его работе над текстами летописей, Д.С. Лихачев заметил, что даже после смерти ученого, критикуя его труды, С.А. Бугославский писал: «По Шахматову, почти каждый редактор переписчик свода, копируя свой основной источник, сверял его с другим сводом, вбирал то из одного, то из другого своего источника не только статьи и фактические данные, но отдельные фразы, слова, даже орфографию слов. Такой взгляд на метод работы летописца представляется нам модернизацией; он напоминает скорее кропотливое сличение текстов, подведение вариантов, выполняемое современными филологами, чем творчество летописца».⁶⁵ Возражая С.А. Бугославскому, Д.С. Лихачев писал, что этот взгляд «опровергается знакомством с русскими и иностранными средневековыми рукописями», и приводил ряд примеров, доказывающих, что перед глазами писца «был не один оригинал, а несколько». Еще несколько примеров такого рода добавила М.В. Кукушкина. Вот перечень Д.С. Лихачева с дополнениями по книге М.В. Кукушкиной (рукописи расположены в хронологическом порядке).

Евангелие Толковое 1590 г.: переписано с «Каменского монастыря и Павловского переводов, а Прилуцкии перевод тут же в свидетельстве был» (РГБ, Муз. № 8288)⁶⁶;

Беседы Иоанна Златоуста 1592 г.: «писана ... з добрых переводов честных монастыреи Заволжских Павлоского и с перевода преподобного отца нашего святого старца Корнилия Комельского чудотворца, а перевод книга его руки» (Костромской музей, КОК, 17.212/56).⁶⁷

Слова Феодора Студита, вклад Ионы Думина 1593 г.: «А писана не с единого списка, но с различных добрых переводов»;

64 Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X-XVII веков. Изд. 3-е. СПб., 2001. С. 94.

65 Бугославский С.А. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть: Ст. и исслед. М.-Л., 1941. С. 12.

66 Кукушкина М.В. Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 124.

67 Там же. С. 125.

Апостол Толковый 1603 г.: «А писана ... с добрых переводов честных монастырей Каменского и Павловского и Корнильевского, а трудов и потов много положено, как правила сию святуу книгу»;

Канонник 1616 г., писец Арсений Глухой: «Писах же с разных списков, тщася обрести правая; и обретох в спискех оных многа не исправлена... И елика возможна моему худому разуму, сия исправлях, а яже невозможна, сия оставлях...» (РГБ, Собр. ТСА, № 281).

В одном случае книжником специально была отмечена невозможность осуществления «справы».

Творения Дионисия Ареопажита 1617 г.: «Писал есмь с древняго и ветхаго переводу, справити было не с чего, книги такие в Ярославле не добыл».⁶⁸

Следует заметить, что, говоря о «работе писца по нескольким оригиналам», Д.С. Лихачев в первую очередь отмечает случаи «правки» копируемого текста по другому списку, причем «явно сохранившиеся следы именно такого рода редакторской работы немалочисленны». В качестве примеров исследователь привел правку Архивского списка Псковской третьей летописи по Строевскому списку (выявлено А.Н. Насоновым), а также «кропотливейшие поправки и заметки» к тексту Творений Дионисия Ареопажита XVII в., переписчик которых заметил: «Переводы (оригиналы – Д.Л.) промеж собою не сходятся, и сие не вемы, чего ради...».⁶⁹ Но, конечно, далеко не всегда книжники оставляли на листах рукописей прямое свидетельство о работе по нескольким оригиналам. Часто это становится ясно только в результате текстологического анализа: так выявляются «Сводные» или «Контаминированные» редакции русских средневековых произведений. В этой связи стоит обратить внимание на статью канадского ученого Ричарда Попа, в которой говорится о значении выявления «контаминированных» версий в текстологическом исследовании.⁷⁰

Контаминация – это особый уровень работы с текстом. Если мы представим себе вероятность наличия двух или более списков того или иного произведения в древнерусских книжных собраниях, то сможем увидеть, насколько редко могли создаваться такие «сводные» версии текста. Кроме того, даже располагая двумя или более списками, книжник чаще всего просто выбирал для переписывания «более исправную» версию, либо список с более понятным ему почерком, либо древнейший или «более авторитетный» список. Иногда русские средневековые переписчики опирались на «основной» список, лишь изредка и бегло сверяя текст по «контрольному» списку.⁷¹ Сличение списков пословно и выбор чтений то из одного, то из другого источника представляет собой качественно иной, новый вид работы с текстом. Древнерусский книжник, создающий контаминированную версию какого-либо текста, действитель-

68 Лихачев. Текстология. С. 96.

69 Там же. С. 97-98.

70 Поп Р. Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. Т. 50. С. 242-251.

71 Пример такого рода находим в списке «Сказания Афродитиана» конца XV в. – РГБ, Ф. 205, собр. Общества истории и древностей российских, № 189 (См.: Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 26). В этом списке по тексту другой редакции исправлено лишь несколько чтений.

но выступает в роли филолога, более того, текстолога.⁷² Отсюда тот особый интерес, который вызывают контаминированные (сводные) редакции древнерусских текстов. По сути дела их, по аналогии с терминологией классической филологии, можно называть «изданиями текста» (в отличие от обыкновенных списков – копий, сделанных с той или иной степенью тщательности, или даже с новациями, имеющими редакционный характер). Контаминатор даже в большей степени филолог, чем редактор, ибо помимо собственного знания он привлекает различные версии текста. Конечно, как и сейчас, для отыскания разных списков того или иного произведения ученому необходима возможность пользоваться крупными собраниями рукописей, следовательно, то новое, что удастся узнать о библиотеках и книжных центрах Древней Руси, должно подталкивать к поискам тех из них, в которых могли создаваться древнерусские филологические опыты – контаминированные редакции текстов.⁷³

Итак, признание наличия в списке С контаминации, восходящей к двум разным версиям текста (представленного КБ с одной стороны, и четырьмя списками – с другой), делает излишней гипотезу о двух изводах текста – Синодальном и Ундольского. Все особенности текста С, сближающие его с КБ, могут быть удовлетворительно объяснены непосредственным использованием текста лежащего перед глазами источника – списка типа КБ, а представление о некоей общности КБ и С на уровне «извода» не может быть доказано. По сути дела, мы должны вернуться к старой гипотезе о существовании Краткой и Пространной редакций, к которым следует добавить третью – Контаминированную.

72 Многочисленные случаи контаминации были выявлены исследователями в памятниках летописания («летописные своды»), в библейской рукописной традиции, в апокрифах. Например, была обнаружена «Сводная» или «Контаминированная» редакция «Сказания Афродитиана», дошедшая в списке третьей четверти XV в. – см.: Бобров. Апокрифическое «Сказание Афродитиана». С. 35-37. А.А. Гиппиус выявил контаминацию источников в тексте Радзивилловской летописи, список которой относится к 1490-м гг. (см.: Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. С. 74-81). В результате контаминации был создан текст Первой подборки Новгородской Карамзинской летописи, датируемый нами 1411-1412 гг. (Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 93-160). Вообще складывается впечатление, что контаминация – это достаточно позднее явление в рукописной традиции, получающее распространение лишь в XV в.

73 Конечно, современная текстология ушла далеко вперед по сравнению со Средневековьем, в первую очередь потому, что древнерусскому ученому было доступно даже в лучшем случае всего несколько списков того или иного произведения, а современный исследователь может обращаться практически ко всему сохранившемуся рукописному наследию. Сами принципы работы древнерусского создателя контаминированной редакции и современного ученого-текстолога удивительно близки: они пословно сопоставляет две (или более) версии какого-либо текста, осмысливают встречающиеся различия и выбирают из них «лучшее чтение» (или более «исправное», или восходящее к оригиналу – протографу). При наличии множества списков современному текстологу удастся с той или иной степенью достоверности реконструировать историю текста и обосновывать выбор «лучших чтений» их доказанной первичностью, а не субъективной оценкой, но почти никогда не имеющий перед собой более двух-трех списков древнерусский ученый книжник даже теоретически не мог поставить перед собой подобную задачу. И все же он сравнивал тексты «по всем доступным спискам» (даже если их было всего два) и создавал свою новую версию повествования.

Хотя мы пришли к выводу, что Кирилло-Белозерский (Ефросиновский) список восходит непосредственно к архетипу «Задонщины», он также передает первоначальный текст с искажениями. Это доказывается анализом выписки из «Задонщины», находящейся в декабрьской служебной Минее Стефана Ондреева сына Босого 1516 г. (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 382/639, л. 1).⁷⁴

«Слово»	У	И-1	С	К-Б	Запись 1516 г.
<u>Уже бо бѣды его</u>	<u>А уже беды их</u>	<u>А уже беды их</u>	<u>Вжо победы их</u>		
<u>Пасеть птиць подобию,</u>	<u>Пасоша птицы крылати под облак летят,</u>	<u>Пловущептица их крилати под облакы летаютъ</u>	<u>Пашутся, а птицы под облаки летаютъ,</u>	<u>Птици небесныя пасущеся то под синие оболока,</u>	<u>Птиц пашущих крылы своими под облаки летают,</u>
<u>...часто врани граяхуть (...),</u>	<u>Вороны часто грают,</u>	<u>Ворони граютъ,</u>	<u>а вороны часто играют,</u>	<u>Вороны граютъ,</u>	<u>ворони часто грают,</u>
<u>а галици свою речь говоряхуть (...)</u>	<u>а галицы своєю речью говорят,</u>	<u>А галицы своєю речью говорятъ,</u>	<u>а галицы своєю речью говорят,</u>	<u>Галици свои речи говорятъ,</u>	<u>галицы своєю речью говорятъ,</u>
<u>Вльци грозу въсржають пояругамъ, орли клетомъ (на кости звери зовуть, лисицы брешуть на чръленьящипы).</u>	<u>Орли хлечют, а волцы грозно воют, (а лисицы на костех бряшут).</u>	<u>орлы крилатии въсплещут, а волцы грозно воютъ, (а лисицы на кости брешут).</u>	<u>Орли в гаму кличут, волцы грозно выют, (а лисицы на костех брешут).</u>	<u>Орли восклегчють, волцы грозно воють, (лисицы часто брешють).</u>	<u>орли клеччют, волцы грозно воют...</u>
<u>Быти грому великому ... на реце на Каяле, у Дону Великаго.</u>	<u>Быти стуку великому на речке Напряде, между Доном и Непром.</u>	<u>Быти стуку велику на речьки Направде, меж Дономъ и Непром.</u>	<u>Быти утупу великому на реце Непадене, меж Дона и Днепра.</u>	<u>Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ.</u>	<u>Быти стуку и грому велику на ре...</u>

Чтение первого предложения Записи 1516 г. («Птиц пашущих крылы своими под облаки летают») не совпадает ни с одним из известных списков «Задонщины». Со списками Историческим первым (И-1) и Ундольского (У) текст этой выписки сближает слово «крылы» (в И-1 и У – «крылати»), которое отсутствует в списках КБ и С. Это дает право думать, что в данном случае извод Ундольского ближе к оригиналу, чем списки КБ и С. В КБ есть и другие сокращения архетипного текста: отсутствуют чтения «часто» (о воронах; подтверждается «Словом», Записью 1516 г. и списками У и С⁷⁵), «на костях» (последнее засвидетельствовано «Словом о полку Игореве» рядом, в той же фразе, но по отношению к орлам: «орли клетомъ на кости звери зовуть») и «на реце».

74 Запись была опубликована: Тексты «Задонщины» / Подгот. к печати Р.П. Дмитриевой // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 556.

75 Слово «часто» отсутствует лишь в списке И-1, но здесь приходится признать независимое друг от друга сокращение К-Б и И-1.

С другой стороны, заключительная часть выписки из «Задонщины» свидетельствует, что КБ список в данном месте («быти стуку и грому») ближе к оригиналу «Задонщины» и к тексту «Слова о полку Игореве» («быти грому»), чем все остальные списки («быти стуку»)⁷⁶. По мнению А.А. Зимина, «гром» Слова мог просто заменить «стук» Пространной «Задонщины», но откуда тогда это чтение появляется в КБ и в Записи 1516 г.? Очевидно, «Слово о полку Игореве» никак не могло заимствовать это чтение из Пространной редакции «Задонщины».

Анализ приведенных разночтений показывает, что Запись 1516 г. не может восходить непосредственно к известному нам тексту Краткой редакции: ее, например, отличает от КБ отсутствие определений «небесных» (о птицах) и «синие» (об облаках), причем отмеченные чтения Записи 1516 г. первичны, что подтверждается как текстом «Слова о полку Игореве», так и списками Пространной и Контаминированной редакций. Между прочим, в тексте КБ есть еще один случай, когда упоминаются «облаки» с «нехарактерным для них», по выражению О.В. Творогова,⁷⁷ эпитетом «синие» («Жаворонок птица, в красные дни утеха, взыди под синие облаки...»). Особо следует отметить отсутствие как в КБ, так и в Записи 1516 г., слов «уже беды их» и перестановку «птиц» в начало (в Контаминированной редакции, как обычно, находим совмещение двух версий: с одной стороны, есть чтение «Вжо победы их», а с другой, как и в КБ, – отсутствуют «крылы»/«крылаты»). Отсутствие начала цитаты в Записи 1516 г. может объясняться затруднениями в грамматическом согласовании текста: если в КБ уже произошло превращение «птиц» из дополнения в подлежащее, то в записи 1516 г. по-прежнему, как и в «Слове о полку Игореве», находим «птиц» в винительном падеже. В таком случае начало текста («Уже беды их») в гипотетическом источнике присутствовало, но автор записи его опустил как несогласованное с глаголом «летают», и начал цитировать текст не с самого начала фразы. Отсутствие в КБ слов «Уже беды их», несмотря на аналогичный пропуск в Записи 1516 г., может тогда рассматриваться как вторичное чтение. Итак, вторичность текста списка КБ в рассмотренных случаях подтверждается Записью 1516 г. – независимым источником, не восходящим напрямую ни к одной из дошедших до нас редакций «Задонщины».

С другой стороны, не может быть признан первичным и известный нам текст Пространной редакции: в нем нет слова «грому», зафиксированного как Записью 1516 г. и КБ, так и «Словом о полку Игореве». Запись 1516 г. сближается как с Краткой редакцией (наличие архетипного чтения «грому»), так и с Пространной (наличие безусловно архетипных чтений «часто» и «на ре(це)»; ср. также: «крылы», «летают», «своею речью», «клекгчют» без приставки «въс»). Очевидно, текст Записи 1516 г. может быть возведен к списку, предшествующему разделению на Краткую и Пространную редакции, в котором еще читалось архетипное «стуку и грому» вместо «стуку» Пространной редакции, и еще не было сокращений Ефросина. Именно такой список «Задонщины», по мнению М.А. Салминой, отразился в статье 1514 г. Псковского летописного свода 1547 г.: в нем читался текст «**быти стуку и грому великому...**» и оборот «з дивными

76 Тексты «Задонщины» / Подгот. к печ. Р.П. Дмитриева // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 556.

77 Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 308.

удальцы», характерные для КБ, но в остальном он «сближается с полными списками «Задонщины»». ⁷⁸

Слово о полку Игореве	Общий протограф Пространной редакции, Записи 1516 г. и Псковской летописи (1514 г.)	Краткая редакция (список КБ)
<u>Уже</u> бо <u>бѣды</u> его	(А) <u>уже беды</u> их	–
Пасеть птицъ под об(лакы?),	пасоша, птицъ крылати под облаки летают,	Птици <i>небесныя</i> пасущеся то под <i>синие</i> оболока,
<u>..часто</u> врани граяхуть (...),	ворони <u>часто</u> грають,	Ворони грають,
а галици свою речъ говоряхуть (...)	(а) галици своєю речью говорятъ,	галици свои речи говорятъ,
Вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клетомъ <u>на кости</u> звери зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты.	орли клегчют, волцы грозно вою(ю)т, (лисици <u>на костях</u> брешут).	Орли <i>восклегчють</i> , волцы грозно воють, лисици <i>часто</i> брешють.
Быти грому великому (...) <u>на ре(це)</u> ...	Быти <i>стуку и грому</i> великому <u>на ре(це)</u> ...	Быти <i>стуку и грому</i> велику...

Безусловно, в списке КБ имеются сокращения архетипного текста «Задонщины». В разобранном примере такими сокращениями являются отсутствующие в КБ первоначальные чтения «уже беды их», «часто», «на костях» и «на реце». Это заставляет вспомнить о выявленной Р.П. Дмитриевой и проиллюстрированной на множестве примеров наиболее яркой особенностью редакторской манеры Ефросина – регулярном сокращении своих источников. ⁷⁹

Таким образом, сопоставление текстов позволяет нам, вслед за А.А. Зиминим и Р.П. Дмитриевой, сделать вывод о том, что создателем Краткой редакции «Задонщины» был сам Ефросин Белозерский. Принадлежащий его перу текст восходит непосредственно к архетипу «Задонщины», а не к протографу Синодального извода, и имеет характерные для творчества этого книжника черты, а также значительное количество индивидуальных совпадений с текстом «Слова о полку Игореве».

1.3. Текстология «Задонщины» и проблема «авторских редакций»

Анализ связи разночтений «Задонщины» с текстом «Слова о полку Игореве» привел О.В. Творогова к выводу, что каждый из списков имеет свои индивидуальные параллели с этим памятником (У – три, И-2 – две, И-1 – три, С – три, КБ – одиннадцать), причем ряд чтений КБ объясняется исследователем вторичным обращением к тексту «Слова». ⁸⁰ Невозможно представить себе, чтобы создатель архетипа «Задонщины» и автор Краткой редакции случайно и независимо друг от друга обратились к столь малораспространенному в рукописной традиции памятнику как «Слово о полку Игореве». Очевидно, архетип

⁷⁸ Салмина М.А. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 524-525.

⁷⁹ Дмитриева Р.П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 264-291.

⁸⁰ Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 297-312.

«Задонщины» и Краткая редакция (не исключено, что и Пространная, датируемая по старшему списку концом XV в., а согласно М.А. Шибяеву – «до 1485 г.») должны были происходить из одного книжного центра. Признание происхождения версий «Задонщины» из одного книжного центра, где создатели (или создатель) архетипа, Краткой и Пространной редакций могли в равной степени пользоваться списком «Слова о полку Игореве», позволяет объяснить появление в текстах памятника несовпадающих параллелей с произведением о походе князя Игоря.

«Задонщина» вообще необычна как объект текстологического исследования. Для нее характерны перестановки целых фраз, «кочующих» по тексту «Задонщины» в разных списках, повторное (или даже неоднократное) обращение к одному и тому же источнику. Особенно это ясно на фоне особенностей других произведений о Куликовской битве: даже в «Сказании о Мамаевом побоище» разночтения носят характер более типичный для так называемой «закрытой» текстологической традиции. Но текстуальные различия между редакциями и списками «Задонщины» количественно и качественно заметно превышают средние показатели. А. Данти называет такую рукописную традицию «парафольклорной» или «открытой».⁸¹ Исследователями уже неоднократно высказывалась мысль, что вариативность текстов «Задонщины» объясняется записью «по памяти» или «с голоса».⁸² Действительно, мы можем наблюдать подобную картину при текстологическом изучении фольклорных текстов, например, сказок, бытующих в рукописной традиции: «Создатель нового рукописного варианта не переписывает текст протографа, но воспроизводит его, причем в значительной степени импровизирует»; рукопись-протограф оказывает либо «прямое корректирующее воздействие», в результате чего «появляются во вновь создаваемом варианте дословные текстовые совпадения с рукописным протографом», либо «косвенное корректирующее воздействие», которое осуществляется «на уровне разработки сюжета».⁸³ Понятно, что такой особый вид бытования текстов, названный О.В. Овчинниковой «рукописной импровизацией», возможен только в случае знания произведения переписчиком, позволяющего ему отказаться от дословного копирования. Но «Задонщина», безусловно, не фольклорное, а «авторское» произведение. Соответственно, «знать» текст настолько хорошо, чтобы воспроизводить его по памяти, «импровизировать», мог, думается, только сам автор.

В таком случае, весьма вероятно, что архетип «Задонщины», Краткая и, возможно, Пространная редакции принадлежали перу одного и того же книжника. Как показывают исследования произведений древнерусской литературы, «авторских редакций» может быть несколько. Так, например, Я.С. Лурье обнаружил две авторских редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого, а Н.С.

81 Данти А. О «Задонщине» и о филологии: Ответ Д.С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 73.

82 Например: Срезневский И.И. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича. СПб., 1858. С. 6; Соловьев А.В. Автор «Задонщины» и его политические идеи // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1958. Т. 14. С. 189; Ржига В.Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 399.

83 Овчинникова О.В. Сказка в рукописной традиции. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1989. С. 3, 11-12.

Демкова – три авторских редакции «Жития» протопопа Аввакума.⁸⁴ Заметим, что «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «Степенная книга» митрополита Афанасия, «Житие» протопопа Аввакума (памятники, имеющие по две и более авторских редакций) несопоставимы по объему с «Задонщиной». Ее список (даже Пространной редакции, не говоря уже о Краткой) легко можно было переписать с теми или иными изменениями за один день. Таким образом, мы приходим к гипотезе о том, что Ефросин Белозерский и был тем самым книжником, знакомым со «Словом о полку Игореве», под пером которого появилось по крайней мере две версии «Задонщины» – архетипный текст и Краткая редакция.

Указанные обстоятельства заставляют нас в связи с проблемой подлинности «Слова о полку Игореве» обратить особо пристальное внимание как на рукописное наследие, так и на творческую биографию этого кирилло-белозерского инок.

2. РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕФРОСИНА БЕЛОЗЕРСКОГО

2.1. Сохранившиеся списки

Священноиннок Ефросин стал известен исследователям как выдающийся книгописец не так давно: на его литературную и культурно-просветительскую

84 См.: Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 434-439; Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974. С другим примером такого рода мне пришлось столкнуться при написании отзыва на диссертацию А.В. Сиренова «Степенная книга как исторический источник (Редакции XVI – начала XVII вв.)». Исследователь убедительно доказал, что списки, в которых имеются черты двух разных типов текста, являются не «переходными», как думал П.Г. Васенко, а контаминированными (такowymi являются 26 списков Степенной книги из 136). А.В. Сиренов приходит к заключению, что древнейший список Пространной редакции (Пискаревский) восходит к Волковскому списку (архетипу Степенной книги) после того, как этот Волковский список после снятия с него двух копий – Томского и Чудовского списков, продолжал оставаться объектом дальнейшей редакторской работы. Но эту «дальнейшую редакторскую работу» над Волковским списком исследователь отнес к рубежу XVI-XVII вв., хотя редактор вновь обращается к тому же списку Никоновской летописи (Патриаршему), что и создатель Краткой редакции. Более вероятно, что создатель Краткой и Пространной редакции Степенной книги, обращающийся к одному и тому же списку летописи – это одно лицо, митрополит Афанасий. Известно, что после ухода со своего престола 16 мая 1566 г. Афанасий вернулся в Чудов монастырь, где он и прожил последние годы жизни (умер, возможно, до 1575 г.). В литературе уже высказывалась мысль, что последние годы в Чудовом монастыре Афанасий продолжал работу по редактированию Степенной книги (См.: Игумен Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Афанасий (1564-1566) // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25. С. 251). Для датировки Пространной редакции существенное значение может иметь тот факт, что перечень имен митрополитов в ней доведен до Антония (1572-1580), а избранный в феврале 1581 г. следующий митрополит Дионисий не упомянут. А.В. Сиренов находит возможность объяснить это тем, что Антоний был последним митрополитом, чье святительство «с начала до конца приходится на время правления Ивана Грозного», но умолчание о Дионисии лишь потому, что он пережил Ивана Грозного, кажется маловероятным. Предпочтительной представляется датировка создания Пространной редакции Степенной книги первой половиной 70-х гг. XVI в. (но после 1572 г.) и атрибуция ее монаху Чудова монастыря, бывшему митрополиту Афанасию. Следует отметить, что диссертант полностью согласился с выводом о существовании двух авторских редакций «Степенной книги».

деятельность в статье 1961 г. обратил внимание Я.С. Лурье.⁸⁵ В последующие годы появились работы того же автора, а также Р.П. Дмитриевой, О.В. Творогова, М.Д. Каган-Тарковской, Т.А. Махновец, М.А. Шibaева, С.Н. Кистерова и других авторов, посвященные тем или иным аспектам книгописного и литературного творчества Ефросина.⁸⁶ Особо следует отметить детальное и снабженное исчерпывающими указателями описание сборников Ефросина, выполненное М.Д. Каган, Н.В. Поньрко и М.В. Рождественской.⁸⁷ Как заметили Я.С. Лурье и М.Д. Каган, «само имя книгописца ... и все сведения о его жизни почерпнуты из записей, сделанных им в этих сборниках».⁸⁸

На сегодняшний день известно восемь дошедших до нас рукописных книг, содержащих автографы Ефросина Белозерского. Шесть из них были подробно описаны в 1980 г.⁸⁹ Недавно М.А. Шibaевым была обнаружена еще одна страница, переписанная этим кирилло-белозерским книжником.⁹⁰ Наконец, автором данной статьи на основании сравнения почерков было установлено, что в сборнике РНБ, Софийское собр. № 1462 также находятся листы, переписанные Ефросином в феврале 1500 г. (лл. 98-112; на л. 98 запись: «В лѣт(о) 7008 (1500) фев(раля) 8, в суб(оту) почато писати»).

Для удобства дальнейшего изложения, приведем основные сведения о Ефросиновских рукописях. Содержание сборников приводится нами выборочно.

1) РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 6/1083.⁹¹

Ефросину принадлежит текст на лл. 2-2 об., 15-18, 59-170, 176, 179-249, 285-299, 308 об.-317 об., 337-350 об., 397 об.-398, 403-406 об.

Рукопись содержит: Каноны; Чин исповедания; Молитвы; Слово о добрых и о злых женах (л. 117-120 об.); Тропарь и кондак из Службы Стефану Пермскому Пахомия Логофета (л. 169-169 об.); Тропарь на перенесение мощей князя Феодора Черного (л. 190-192); апокрифическая «Легенда о перстне» (л. 234-234 об.); Тропарь и кондак Антонию Печерскому (л. 247 об. – 248); Псалтырь Федора Еврея (л. 249 об. – 276 об.); О лечащих болезни волхвованием (л. 295 об. – 296 об.); О установлении христианства на Руси и епископии в Ростове и Новгороде

85 Лурье Я.С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРА. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130-168.

86 Обзор работ о творчестве Ефросина см.: Кистерев С.Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии // Очерки феодальной России. М., 1997. С. 65-79. Из работ последнего времени следует назвать: Кистерев С.Н. Круг знакомств Ефросина Белозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 61-87; Шibaев М.А. К вопросу о бумаге Толстовского списка. С. 200-205; Шibaев М.А. О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. С. 208-222; Шibaев М.А. Списки Софийской I летописи Младшей редакции и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 102-118 и уже упоминавшаяся статья: Шibaев. «Задонщина». С. 29-57.

87 Каган М.Д., Поньрко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРА. Л., 1980. Т. 35. С. 3-300.

88 Каган М.Д., Лурье Я.С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 227.

89 Каган и др. Описание сборников. С. 3-300.

90 Шibaев. О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. С. 208-222.

91 Каган и др. Описание сборников. С. 144-172 (описание выполнено Н.В. Поньрко).

(л. 300-303); Поучение епископа Матвея Сарайского «къ всѣмъ крестіаномъ» (л. 318-327); Поучение Алексія митрополита (л. 327 об. – 336 об.); Слово о правде и о неправде (л. 347 об. – 349) и др.

2) РНБ, Собрание Кирилло-Белозерскаго монастыря, № 9/1086.⁹²

Ефросину принадлежит текст на лл. 1-237, 254-276 об., 283-289 об., 300-300 об., 301 об., 307, 308-308 об., 309-473, 517-528 об., 564-569.

Рукопись содержит: Духовное завещание митрополита Киприана (л. 87 об. – 91 об.); Молитва митрополита Киприана «над гробомъ княжимъ Дмитревымъ» (л. 93-95 об.); Легенда о рукавицах митрополита Киприана (л. 96 об. – 97); Устав князя Владимира (л. 98 об. – 103); Устав князя Ярослава (л. 107-111 об.); Слово о добрых и злых женах (л. 116-123); Задонщина (л. 123-129 об.); выписки из Краткаго летописца (л. 130-130 об.); «Хождение игумена Даниила» (л. 130 об. – 193); Громник (л. 194 об. – 195); О царице Моалкотошке (л. 195-197); выписки о царе Соломоне (л. 197-201); «О князи Святоши Киевскомъ» (л. 222-222 об.); глава из Хождения дьякона Игнатія в 1391 г. (л. 233-235 об.); «О ризѣ Пречистой» (л. 236); «О иконѣ Пречистой въ Цариградѣ» (л. 236 об. – 237); запись о столетии Куликовской битвы (л. 263 об.); Плач Адама о рае (л. 317); Хронографическая Александрия первой редакціи (л. 474-513); Послание Феофила Дедеркина Василию Темному о землетрясеніи в Италіи 1456 г. (л. 514 об. – 516 об.); Слово о хмеле (л. 517-519 об.); Родословіе русских князей (л. 521-523); Слово Симеона Тверскаго князю Константину Полоцкому (л. 523 об. – 524 об.); Псалтырь Федора Еврея (л. 529-563 об.) и др.

3) РНБ, Собрание Кирилло-Белозерскаго монастыря, № 11/1088.⁹³

Ефросину принадлежит текст на лл. 20-387 об., 391-502 об.

Рукопись содержит: Послание Василия Темнаго патриарху Митрофану об Исидоре 1441 г. (л. 7-18 об.); миниатюра с изображеніем Александра Македонскаго (л. 19 об.); Сербская Александрия, русская версія (л. 20-194 об.); Сказаніе об Индійском царствѣ (л. 198-204); Повесть о Дракуле Федора Курицына (л. 204-217); выписки из Хождения игумена Даниила (л. 217-221 об.); выписки из Козьмы Индикоплова (л. 221 об., 223 об., 227-227 об.); выписки из Палеи; О потире царя Соломона (л. 228 об. – 230); Сказаніе о 12 пятницах с пометой Ефросина (л. 234 об. – 235); Шесть причин ухода из монастыря (л. 243-243 об.); «Епистолия о неделѣ» (л. 254-261); Сказанія о Соломоне и Китоврасѣ (л. 262-262 об., 271-272, 272 об. – 276); выписки из Еллинскаго летописца; выписки из Палеи; Ефросиновская Палея (л. 267-326); Ефросиновскій хронограф (л. 326 об. – 353); выписка о Магомете из Хроники Георгія Амартола (л. 368 об. – 369 об.); антилатинскія сочиненія (л. 369 об. – 376); Об античных богах и героях (л. 380-382); Статія Палладія о рахманах (л. 462-483); Слово о рахманах (л. 483-485 об.); Слово о злых женах (л. 500-500 об.); Отрывок Послания митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фомѣ (л. 502) и др.

92 Там же. С. 105-144 (описание выполнено М.Д. Каган).

93 Там же. С. 172-196 (описание выполнено Н.В. Поньрко).

4) РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099.⁹⁴

Ефросину принадлежит текст на лл. 1-46 об., 88-198 об., 201-274 об., 283-321 об., 323 об. – 324, 327-344, 346-370 об., 372-372 об., 380-443 об., 475-476 об., 501-514.

4а) РНБ, Собрание М.П. Погодина, № 1554.⁹⁵

Ефросину принадлежит текст на лл. 13-19 об.

Рукопись содержит: Русский летописец (РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099, л. 14 об. + РНБ, Собрание М.П. Погодина, № 1554, лл. 13-17); выписки из Палеи; Повесть о царе Дариане (л. 19-20); выписки из Повести о Варлааме и Иоасафе (л. 32 об. – 33, 107-107 об., 319-320 об.); названия рек, гор, морей и ветров; Индекс запрещенных книг (л. 39 об. – 42), чтения из Пролога; Слово епископа Симеона Тверского князю Константину Полоцкому (л. 107 об. – 108 об.); выписки из Кормчей; Память Сергия Радонежского с летописными приписками на полях (л. 164-167 об.); Числительные татарского языка (л. 169); антилатинские поучения (л. 183 об. – 190 об.); «От странника» – Дорожник (л. 223 об. – 224 об.); Послание Василия Калики Феодору Тверскому о рае «от лѣтописца взято» (л. 239-244); Послание афонских иноков Василию Темному о Флорентийском соборе (л. 244-250); «Толкование неудобь познаваемым въ писанных рѣчехъ» – Словарь (л. 264-265); Повесть о Ватопедском монастыре (л. 273 об. – 27 об.); Повесть о Дохиарском монастыре (л. 276 об. – 283); Память Варлаама Хутынского (л. 290-290 об.); Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши (л. 335-338 об.); О происхождении астрономии (л. 338 об.); «Иордан рѣка помене Шехстны...» (л. 342); апокрифическая «Легенда о перстне» (л. 342-342 об.); Слово о русалиях (л. 353 об. – 356 об.); Память князя Феодора Черного (л. 389 об. – 392); выписки из «Истории иудейской войны» (л. 407-423 об.); выписки из Хроники Георгия Амартола (л. 420-425 об.); Хронология татарских набегов с 1377 по 1453 г. (л. 435); Княжий и митрополичий Синодик-помянник (л. 435 об.); Шесть причин ухода из монастыря (л. 442); О дочери Александра Македонского, похитившей «породимскую» воду (л. 505-506); Слово о злых женах (л. 506-506 об.) и др.

5) РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 53/1130.⁹⁶

Ефросину принадлежит текст на лл. 130-155 об., 274-280 об., 300-317.

Рукопись содержит: Чтения из Пролога; Повесть о Варлааме и Иоасафе (л. 84-122 об.); Рассказ о крещении Руси (л. 122 об. – 129 об.); Апокалипсис (л. 130-155 об.); Синоксарные чтения (л. 274-280 об.); История Иудейской войны (л. 426-493 об.) и др.

6) РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 67/192.⁹⁷

Ефросину принадлежит часть текста на л. 1 об.

Рукопись содержит выписку из «Наказания о покаянии» Ефрема Сирина.

94 Там же. С. 7-105 (описание выполнено М.Д. Каган).

95 Семь листов из рукописи РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099 были вырваны П.М. Строевым и включены в данную конволютную рукопись. Отождествление фрагмента принадлежит Р.П. Дмитриевой: *Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков «Задонщины»*. С. 251 (сн. 78).

96 *Каган и др.* Описание сборников. С. 196-215 (описание выполнено М.В. Рождественской).

97 См.: *Шибачев*. О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. С. 208-222.

7) ГИМ, Собрание Уварова, № 338 (894)(365).⁹⁸

Ефросину принадлежит весь текст рукописи (лл. 1 – 638 об.).

Рукопись содержит: Триодный Торжественник второй редакции (по А.С. Орлову).

8) РНБ, Софийское собрание, № 1462.

Ефросину принадлежит текст на лл. 98-112.

Рукопись содержит: Молитвы; Чинопоследования служб; «А се имена землиамъ греческы и русскы» (л. 111 об. – 112) и др.

2.2. Утраченные рукописи

В Описании библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, выполненном в конце XV в., достаточно подробно описаны три «ефросиновских» рукописи, к сожалению, не дошедшие до наших дней.

1) «Соборник Ефросиновский большой».

Содержание: Слова и поучения отцов церкви (славянские сочинения: Слова Клементя «Словенского» и Григория Цамблака); Памяти, Жития и чудеса святых (славянские сочинения: Житие Игнатия Ростовского, Чудо Варлаама Хутынского о умершем отроке Григории); апокрифы: «Житие Богородицы», Первоевангелие Иакова; Палея Историческая и др.⁹⁹

2) «Среднеи Соборник Ефросинов».

В конце «чернового описания» сделана помета: «В лѣто 6983 месяца декабря».

Содержание: Слово Григория Цамблака, Житие Дмитрия Солунского, апокриф «Деяния апостола Фомы в Индѣе» и др.¹⁰⁰

3) «Меньшеи Соборник Ефросинов».

Содержание: Слова и поучения отцов церкви (славянские сочинения: Слова Кирилла Туровского, Григория Цамблака, Иоанна «Болгарьскаго», Кирилла Философа), Памяти, Жития и чудеса святых (славянское сочинение: Житие Леонтия Ростовского), апокриф «Пренесение нерукотворного образа»; «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; отрывки из летописи («Володимера Киевскаго как крестися»; нач.: «В лѣто 6000 четверсотное девять...») и Речь Философа; нач.: «В лѣто шесть тыщное четы...»); Похвала мученикам Борису и Глебу (нач.: «Родъ праведныхъ благословится, рече пророк...») и др.¹⁰¹

3. БИОГРАФИЯ ЕФРОСИНА БЕЛОЗЕРСКОГО

3.1. Гипотеза о «иноческом» периоде жизни Ефросина

Сведения об «иноческом» периоде жизни Ефросина Белозерского известны исследователям из записей книжника в переписанных им рукописях. Самая ранняя запись относится к июлю 1463 г., самая поздняя – к февралю 1500 г. В основном Ефросин обитал в Кирилло-Белозерском монастыре, но зимой 1477-

⁹⁸ Каган и др. Описание сборников. С. 215-241 (описание выполнено Н.В. Поньрко).

⁹⁹ Никольский Н.К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897 (ОЛДП, № 113). С. 17-29.

¹⁰⁰ Там же. С. 70-83.

¹⁰¹ Там же. С. 57-70.

1478 г. он куда-то уезжал «на игуменство». По гипотезе Я.С. Лурье, Ефросин направился в Прилуцкий Рождественский монастырь, находившийся в Угличском княжестве.¹⁰² Это мнение, впрочем, было оспорено Е.Э. Шевченко, считающей, что упомянутая поездка на игуменство относится к Ферапонтову монастырю.¹⁰³

Ефросин нигде в своих сборниках не говорит о своей жизни до пострижения в монахи, но нам представляется, что определенные сведения о раннем периоде биографии кирилло-белозерского книжника можно извлечь из анализа содержания и из самого репертуара переписанных им текстов. Для того, чтобы понять, какие исторические фигуры интересовали Ефросина более всего, рассмотрим, что привлекало его внимание среди текстов, посвященных русским святым, а также среди памятников летописания и генеалогии. Совокупность материалов такого рода, наряду с некоторыми косвенными свидетельствами источников, позволит нам сформулировать гипотезу о «доиноческом» периоде жизни Ефросина Белозерского.¹⁰⁴

3.1.1. Тексты, посвященные русским святым

В шести подробно описанных дошедших до наших дней сборниках Ефросина содержится огромное количество выписок из православных житий, но среди них почти нет повествовательных памятников, посвященных русским святым. Помимо тропарей, кондаков, молитв и памятей некоторым преподобным, Ефросин посвящает особые повествовательные тексты биографического характера только двум русским святым – Николе Святоше и Федору Черному. Поразительно, что из всех древнерусских святых Ефросин остановил свое внимание только на двух персонажах, и оба они – князья-иноки, сознательно ушедшие в монастырь. Более того, его выбор был исчерпывающим: других произведений на эту тему в рукописной традиции до конца XV в. не сохранилось.

Среди древнерусских князей, признанных церковью святыми, следует выделить особую группу князей-инок. Добровольный отказ представителей правящей династии от «мира» являлся редкостью и вызывал уважение во все времена. Наиболее известным образцом для выбора такого духовного пути спасения вместо царской (княжеской) судьбы служила «Повесть о Варлааме и Иоасафе», известная в огромном числе версий «более чем на 30 языках народов Азии, Европы и Африки», в том числе и в трех средневековых славянских переводах.¹⁰⁵ В Древней Руси, однако, князья чаще всего принимали постриг либо

102 Лурье Я.С. Ефросин – составитель сборников и Ефросин – игумен и писец // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 347-356.

103 Шевченко Е.Э. Книжник XV в. Мартиниан // Книжные центры Древней Руси: XI-XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 297-298.

104 Предлагаемая гипотеза о биографии Ефросина Белозерского до пострижения в монахи впервые была высказана и кратко обоснована нами в статье: Бобров А.Г. Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270-278.

105 Лебедева И.Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 349. В Повести рассказывается о царевиче, оставляющем дворец ради «пустыни».

под давлением обстоятельств, либо перед самой смертью.¹⁰⁶ Исключений было не так много, и они, как правило, окружены церковным почитанием.

Первым древнерусским князем, избравшим иноческий путь спасения, был Никола Святоша (в миру – Святослав Давыдович Черниговский (около 1080-1142) – сын Давыда Святославича Черниговского, внук Святослава Ярославича, правнук Ярослава Мудрого). О том, что он был первым, прямо свидетельствует Киево-Печерский патерик: «Кьи убо от князь се створи?»; «Помысли сего князя, егоже ни един князь в Руси не створи, волею бо никтоже вниде в чернечество».¹⁰⁷ Сам Никола Святоша, согласно Патерику, говорил: «Аще же ни един князь сего створил преже мене, предвожа являюся им: кто же ли поревнует сему, да вследует сему и мне».¹⁰⁸ Как заметил А. Поппэ, «еще в начале XIII в. не упускали случая напомнить, что Святоша был единственным князем, надевшим монашеский куколь добровольно и не на смертном одре».¹⁰⁹

Потерпевший неудачу в княжеской междоусобице, но никем не принуждаемый, Святослав Давыдович, уже к тому времени имевший прозвище «Святоша», постригся в монахи 17 февраля 1106 г. в Киево-Печерском монастыре. В тексте Патерика, наиболее, как установила Л.А. Ольшевская, близком первоначальному,¹¹⁰ о самом пострижении говорилось очень кратко: «И се разумевъ блаженни князь Святоша, оставивъ княжение и славу, честь и богатство, и рабы, и весь двор, ни во что же вмени, и бысть мних».¹¹¹ В переработках Патерика 1460 и 1462 гг. (так называемых Кассиановской первой и второй редакциях) появляются дополнительные сведения о пострижении князя, частично заимствованные печерским «крилошанином», а затем «уставником» Кассианом, как отметил А.А. Шахматов, из Киевского летописного свода¹¹²: «**Се блаженни и благовернии князь Святоша, именемъ Николае, сынъ Давидовъ, внукъ Святославль, помысли убо прелестъ жития сего суетнаго, и яко вся, яже zde, мимо текут и мимо ходят, и будущаа же благаа непроходима и вечна суть, и царство небесное бесконечно есть, иже уготова Бог любящим его, – остави княжение, и честь, и славу, и власть, и вся та ни въ что же вменивъ, и пришед въ Печерский монастырь, и бысть мних, в лето 6614, февруариа 17**».¹¹³

106 Почитаемый князь-инок домонгольского времени Игорь Олегович, убитый киевлянами во время восстания 1147 г., по сути дела был вынужден стать монахом. Общецерковная память Игорю не была установлена и житийные тексты, ему посвященные, неизвестны (См.: Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. Изд. 2-е, испр. и дополн. С. 58-59). В другой работе исследователь приводит сведения о древнерусских князьях, принявших постриг перед смертью, либо насильно (см.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1904. Т. 1, вторая половина тома. Изд. 2-е. С. 663-664, 667-668).

107 Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999. С. 29, 31.

108 Там же. С. 30.

109 Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. СПб., 1996. С. 492.

110 Ольшевская Л.А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики. С. 259-260, 309-310.

111 Древнерусские патерики. С. 28.

112 Шахматов А.А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897. С. 7-11.

113 Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 376 (Вторая Кассиановская редакция). Полуужирным шрифтом в цитате выделены чтения, восходящие к Основной редакции Киево-Печерского патерика, а курсивом – к «Повести временных лет».

Указание на дату пострижения, а также имена отца и деда князя-инока, были взяты Кассианом из «Повести временных лет»: «В то же лето (6614/1106 г. – А.Б.) пострижеся Святославъ сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, месяца февраля въ 17 день».¹¹⁴ В Ипатьевском списке на месте этого и соседних известных пробел (в 13 строк), но Хлебниковский и Погодинский списки Ипатьевской летописи содержат чтение «Тогда пострижеся князь Святоша, сынъ Давыдовъ, внук Святославль, Никола, месяца февраля в 17».¹¹⁵ Новгородская первая летопись старшего извода (далее – Н1ст.) дает иной текст, без точной даты и имени деда, но с дополнением: «Въ то же лето пострижеся Святоша князь, сынъ Давыдовъ Църнигове, тьсть Всеволожь».¹¹⁶

Как уже отмечалось исследователями, в одном из сборников кирилло-белозерского монаха второй половины XV в. Ефросина содержится «неизвестная редакция сцены отречения князя от мирской жизни»¹¹⁷: «Выехал князь Святоша сынъ князь Мстиславль, внук князь Юрьевъ черниговсково, из града Киева и обратився на град, показа имь рукою своею град Кыевь, и рече боляромъ своим: «Воистинну, брате, суета света сего и прелестъ мира сего». Постригають князя Святошу, Спасъ со аггелы невидимо предстоить. Аггель Господень пишеть обещание мнишескаго чина, не токмо сего обещания, но и всякого христианина, хотящи пострицися во аггельскыи образъ. Чернеческое нарекоша имя ему Никола. Жил в чернечестве лет 36».¹¹⁸ Можно думать, что эта «Ефросиновская» версия рассказа о пострижении Святоши текстуально связана с дополнением, появляющимся только в Кассиановских редакциях Киево-Печерского патерика 1460 и 1462 гг. (ср.: «**прелестъ жития сего суетного**» в Патерике и «**суета света сего и прелестъ мира сего**» у Ефросина).¹¹⁹ Появление в сборнике Ефросина (около 1475 г.)¹²⁰ оригинальной, неизвестной другим источникам сцены пострижения князя в монахи приобретает особое значение в связи с тем, что Святоша, согласно Киево-Печерскому патерику, подвизался

114 Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Л., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Стб. 281.

115 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб. 257-258, прим. 30.

116 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 19 (ср: Там же. С. 203). На основании именованя Николы Святоши «тестем Всеволода» считается, что его дочь вышла замуж за князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича (см., например: *Каган В.М.* История дома Рюриковичей: (Опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993. С. 156; *Устинов В.Г.* Всеволод Мстиславич // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1: А-Д. С. 477; *Ермолаев И.П.* Прошлое в лицах. Рюриковичи: Биографический словарь. М., 2002. С. 42).

117 Древнерусские патерики. С. 406.

118 РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086, л. 222-222об.; *Каган и др.* Описание сборников. С. 125. Ефросин сначала считал, что Святоша – «сынъ Мстиславль внукъ князь Юрьевъ черниговсково», но на поле рукописи сам же исправил ошибку: «Князь Святоша Никола сынъ Давыдовъ внукъ Святославль и братиа у него были Изяславъ и Володимеръ» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 9/1086, л. 222). Какого князя – сына некоего Мстислава Юрьевича – имел в виду Ефросин сначала, неясно.

119 Ср.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. С. 376 (Вторая Кассиановская редакция); *Каган и др.* Описание сборников. С. 125; Древнерусские патерики. С. 406.

120 Датировка определяется наличием писцовых записей сентября 1475 г. в той же части сборника (см.: *Каган и др.* Описание сборников. С. 106).

первые три года в поварне,¹²¹ а небесным патроном кирилло-белозерского инока был, возможно, Ефросин-повар.¹²²

Приблизительно в те же годы, когда в Киево-Печерском монастыре был распространен рассказ патерика о пострижении Николы Святоши, и когда была создана новая версия этого сюжета Ефросином, началось почитание на Руси еще одного князя-инока: в Ярославле стали происходить чудеса от мощей добровольно, хотя и незадолго до кончины, постригшегося в монахи князя Федора Ростиславича Черного (Смоленского и Ярославского) и его детей.¹²³ Как полагает Б.М. Клосс, ранее 1463 г. никаких житийных памятников, посвященных Федору Черному, не существовало, но уже на протяжении середины 60-х – 80-х гг. появляются Памятная запись, Служба, Краткий и Пространный вид Проложной редакции, редакция жития Андрея Юрьева и летописные статьи.¹²⁴ Распространение в 1460-х гг. культа «князя-инока» Федора Ярославского вызвало противоречивую реакцию в русском обществе. Согласно Независимому летописному своду 80-х гг. XV в., бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон (в свое время повернувший ход феодальной войны, сняв с Василия Темного крестное целование Дмитрию Шемяке), теперь уже архиепископ Ростовский, не поверил в происходящие чудеса: «Невериемъ обдержимъ, не имеще веры, мняше вълшеводство быти».¹²⁵ Сомневался и протопоп ростовский Константин, «яряясь на игумена, мня, симъ чюдотворением игумень многа богатства приобрете». За свое неверие оба были наказаны: Трифон «здрогновъ всемъ теломъ», «бъше разслабленъ» и был вынужден оставить кафедру, а Константина чудотворец «верже» на землю, «и бяше немъ, и омертве плоть его».¹²⁶ Похоже, что не только церковные власти отнеслись к появлению в Ярославле культа князя-инока неодобрительно. Автор так называемого Севернорусского (Кирилло-Белозерского) летописного свода 1472 г. писал: «Во граде Ярославли, при князи Александре Феодоровиче Ярославскомъ, у святаго Спаса в монастыри во общине явися чюдотворецъ, князь велики Феодоръ Ростиславичъ Смоленский, и з детми (...), почало от ихъ гроба процати множество людеи безчислено. Сии бо чюдотворци явишася не на добро всем княземъ ярославскимъ: простилися со всеми своими отчинами навекъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю».¹²⁷ В отличие от Я.С. Лурье, мы не замечаем здесь «неверия» летописца в святость явленных мощей, а, следовательно, не можем признать его приверженцем и единомышленником архиепископа Трифона.¹²⁸ Скорее, можно сделать вывод о том, что создатель летописи с горькой иронией увязы-

121 Древнерусские патерики. С. 28. Об описаниях монастырской поварни см.: *Водолазкин Е.Г. Монастырский быт в агиографическом освещении («поварня» древнерусских житий) // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 48. С. 229-231.*

122 См. перевод греческого жития: *Краткое житие Евфросина-повара // Византийские легенды / Изд. подгот. С.В. Полякова. М., 1994. С. 181-183.*

123 *Голубинский. История канонизации святых. С. 76-78.*

124 *Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М., 2001. С. 252.*

125 *Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 408.*

126 Там же. С. 412.

127 Там же. С. 338.

128 См., например: *Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 62-66.*

вал явление мощей князя Федора Черного и ликвидацию самостоятельного Ярославского княжества: поддержка культа «князя-инока» оказалась опасной для ярославских князей, и они в результате «простились» со своей вотчиной.

Рассмотрим другой текст, посвященный Федору Ярославскому, – Пространный вид Проложной редакции (далее – ПВПР) его жития. Древнейший список жития этого вида принадлежит кирилло-белозерскому иноку Ефросину и датируется 1476 г. (другой список, по неизвестной причине отнесенный Б.М. Клоссом к той же редакции и датированный 1474 г., совпадает с подробным текстом ефросиновского списка лишь одной фразой¹²⁹). В житии подчеркивается, что князь принял иночество сознательно и по своей воле, хотя и всего за день до кончины. В тексте ПВПР, по сравнению с Краткой Проложной редакцией, появившейся в 60-х гг. XV в., находится целая новая дополнительная часть, содержащая похвалу святому, а также следующее историческое уточнение: «За колико летъ по великой рати, слышавъ князь Феодоръ дщерь Всеволожу въ Ярославли, и поять ю за себя, и тако въсприа град Ярославль и нача княжити в нем» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 22/1099, л. 389 об. – 390). Опять, как и в случае с Николой Святошей, мы видим, что в сборнике Ефросина появляется новый, неизвестный предшествующей рукописной традиции вариант текста о святом князе-иноке. Книгописец Ефросин вообще уделил Федору Черному особое внимание: кроме древнейшего списка ПВПР, он поместил в своих сборниках Тропарь на перенесение мощей «Феодору и с чады его» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 6/1083, л. 190-192) и Родословие ярославских князей от Федора Черного до последнего ярославского князя Александра (к его имени сделана помета «продал Ярославль») и его сына Даниила (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 9/1086, л. 522 об. – 523).

Таким образом, мы видим, что для Ефросина тема «князя-инока» представляла особый интерес – только этот тип святости представлен в вышедших из-под его пера русских агиографических текстах. Более того, в обоих случаях Ефросин создал собственные оригинальные версии повествования о святых князьях-иноках. На наш взгляд, такой специфический интерес к определенным историческим персонажам – это своего рода невольная «автохарактеристика», позволяющая поставить вопрос о княжеском происхождении самого Ефросина.

3.1.2. *Летописание*

Подтверждение предложенной гипотезы о княжеском происхождении инока Ефросина мы находим в текстах летописных памятников, переписанных этим книжником, либо связанных с его творчеством. В автографе до нас дошел Краткий летописец Ефросина (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 22/1099, л. 14 об. и собр. М.П. Погодина, № 1554, л. 13-17 об.). Основная хронологически последовательная сетка летописных статей этого памятника завершается следующими известиями:

- «Того же (1434 г. – А.Б.) лета преставися князь Юрии Дмитриевич.
- В лето 6945 (1437 г. – А.Б.) поимали князя Василя Юриевича маиа 14.
- В лето 6961 (1453 г. – А.Б.) преставися князь Дмитриеи Юрьевич июля 23».

129 Клосс. Избранные труды. Т. 2. С. 259.

Далее, после этих заключающих первую часть Краткого летописца сообщений о судьбе князей, потерпевших поражение в феодальной войне XV в. (отца и двух сыновей), следуют уже дополнительные статьи – о крещении Руси, список русских митрополитов и другие известия.¹³⁰ Безусловно, в такой выборке летописных известий за два десятилетия русской истории можно увидеть не просто интерес к событиям в княжеском роде, но и особое внимание к определенной его ветви.

Другой летописный памятник, который, по словам Я.С. Лурье, «многими чертами перекликается с литературной деятельностью» Ефросина и текстологически связан с его Кратким летописцем – это Севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., отразившийся в Ермолинской летописи и в Сокращенных сводах конца XV в.¹³¹ Эту летопись Я.С. Лурье считает «замечательным литературным памятником», содержащим «резкую и яркую критику» действий великого князя и его приближенных.¹³² Для Свода 1472 г. характерно включение неизвестных другим летописям подробностей феодальной войны XV в., особый интерес к сведениям о Юрии Галицком и его сыновьях Василии Косом и Дмитрие Шемяке, выпады против великого князя и его бояр и воевод. Так, в частности, рассказывается о том, как Дмитрий Шемяка пытался пригласить Василия Васильевича на свадьбу, но был сослан в Коломну (1436 г.); ослепление Василия Темного, вопреки другим летописям, только здесь приписано не Дмитрию Шемяке, а Ивану Можайскому (1446 г.); говорится, что Шемяка умер «со отравы» (1453 г.); читаются также резкое осуждение казней заговорщиков Василием Темным в Великий пост 1462 г. и рассказ о явлении ярославских князей-чудотворцев Федора Черного и его детей с именованием тайнописью великокняжеского наместника «дьяволом» (1463 г.).

Восходящий к Своду 1472 г. Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. так же, как Ермолинская летопись и Сокращенные своды конца XV в., сохранил некоторые чтения своего несохранившегося источника.¹³³ В известии о смерти Шемяки этот свод сообщает дополнительно ряд деталей, заставляющих думать об описании события очевидцем: «Бысть же князю Дмитрею по обычю въсхоте ясти о полудни, и повеле себе едино куря доспети (...) и яде (...), не случи же ся никому дати его»; здесь же находятся статьи с описанием чудес ярославских князей-чудотворцев и с осуждением неверия Трифона Ростовского и протопопа Константина в мощи Федора Черного (под 1463 и 1467 гг.), и доказательство того, что жена Ивана III Мария также, как и князь Дмитрий Шемяка, умерла «от смертного зелия» (1467 г.).¹³⁴

Итак, мы приходим к объяснению открытого Я.С. Лурье феномена неофициального летописания второй половины XV в. Как известно, на протяже-

130 См.: Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М., 1950. Т. 5. С. 26-27.

131 См. реконструированную Я.С. Лурье заключительную часть текста Свода 1472 г.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 318-347; о связи с Ефросином см.: Там же. С. 531. Между прочим, в Свод 1472 г. входили те же родословия князей, что и в сборник Ефросина (с незначительными разночтениями).

132 Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 530-531.

133 Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 232-233.

134 См. реконструированную Я.С. Лурье заключительную часть текста Независимого летописного свода 80-х гг. XV в.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 400-443.

нии XV в. летописи являлись официальными документами древнерусских государств, своего рода «конституциями». Думается, мы вправе связать с именем нашего книжника, бывшего «князем-иноком», саму попытку противопоставить тенденциозному великокняжескому летописанию собственную версию. Видимо, благодаря Ефросину Белозерскому и появились «вторая» история Руси XV века.

Особо следует отметить оказавшееся неучтенным в описании сборников Ефросина дополнение к тексту «Епистолии о неделе». После указания на дату оригинала, с которого переписывал Ефросин этот апокриф, 2 марта 6960/1452 г., говорится: «того году, коли пошелъ князь великий Иванъ Василиевич съ всемъ своимъ воинством на князя Дмитриа Юрьевича на Шемяку» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 11/1088, л. 261). Это дополнение не восходит к летописным текстам, но имеет характер «припоминания».¹³⁵ В этой связи характерна также запись Ефросина о том, что Юрий Дмитриевич Галицкий был «хрестникъ» Сергия Радонежского (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 22/1099, л. 167).

Таким образом, если повествовательные произведения о русских святых, переписанные Ефросином, свидетельствуют о его специфическом внимании к теме «князя-инока», то летописные памятники демонстрируют его откровенно антивеликокняжескую позицию и особый интерес к ветви князей «Юрьевичей» – потомков Юрия Дмитриевича Галицкого.

3.1.3. Княжеские Родословия

Княжеские родословия приведены Ефросином выборочно: кроме великих московских и тверских князей, из удельных упоминаются только ростовские и белозерские (это связано, видимо, с месторасположением Кирилло-Белозерского монастыря), а также смоленские и ярославские. Возникает вопрос: почему Ефросин включил в свой сборник родословия именно смоленских и ярославских князей?

Известен один князь, исчезновение которого с исторической сцены синхронно появлению книжника Ефросина (см. об этом ниже), и для которого именно эти две последние из упомянутых ветвей рода Рюриковичей были особенно близки – это князь Иван Дмитриевич, правнук Дмитрия Донского, внук Юрия Галицкого и единственный сын Дмитрия Шемяки, отравленного летом 1453 г. в Великом Новгороде по поручению великого князя Василия Темного.¹³⁶ Иван Дмитриевич Шемякин был последним и единственным представителем той ветви рода князей Рюриковичей, которая потерпела поражение в феодальной войне XV в.

Обращает на себя внимание близкое родство князя Ивана Дмитриевича, с одной стороны, с ярославскими князьями: его мать Софья была дочерью князя Дмитрия Васильевича Заозерского, дяди последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого и праправнука святого Федора Ярославско-

135 Ср.: Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. Стб. 126.

136 Как показали исследования останков князя Дмитрия Юрьевича, он действительно был отравлен мышьяком (см.: Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 106-111, 210-217).

го (Иван Дмитриевич, таким образом, был прямым потомком новоявленных чудотворцев; не его ли пострижение в иноки послужило толчком к явлению и прославлению мощей Федора Черного и его детей? В таком случае была бы понятна нервная реакция властей на распространение этого культа). С другой стороны, Иван Дмитриевич находился в родстве и со смоленскими князьями (Ефросин записал родословие смоленских князей от Владимира Мономаха до последнего – Юрия Святославича): его бабушка Анастасия, жена Юрия Дмитриевича Галицкого, была дочерью Юрия Смоленского; сам он, следовательно, являлся его правнуком. Таким образом, включение Ефросином в свой сборник смоленских и ярославских родословий могло иметь для него фамильный характер.

Приведенные книжником родословия, наряду с отмеченными выше характерными особенностями его отбора русских святых, которым посвящены повествовательные биографические тексты, и летописных известий, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что до того, как он стал священноиноком Ефросином, он являлся князем Иваном Дмитриевичем Шемякиным.

Датировка его пострижения временем около 1463 г. определяется не только появлением в этом году церковного культа «князя-инока» и исчезновением со страниц источников князя Ивана Дмитриевича, но и тем фактом, что среди многочисленных записей с указанием на время работы книгописца самая ранняя – это 18 июля 1463 г. В этот день он закончил писать Апокалипсис (см.: РНБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 53/1130, л. 155 об.).

Хотя приведенные нами аргументы, взятые по отдельности, не имеют силы доказательств, в своей совокупности они представляются нам весьма убедительными. Кроме того, существует еще ряд достаточно косвенных свидетельств, подтверждающих предложенную выше гипотезу.

3.1.4. Косвенные свидетельства

Княжеское происхождение Ефросина, похоже, не было секретом для хорошо осведомленного Федора Курицына.¹³⁷ Прошло совсем немного времени после возвращения Курицына из посольства в Венгрию и Молдавию (1485 г.), как Ефросин 13 февраля 1486 г. уже копирует в свой сборник написанное этим дипломатом и, вероятно, им же самим посланное в Кирилло-Белозерский монастырь «Сказание о Дракуле». Это произведение оканчивается рассказом об убийстве жестокого Влада Цепеша – Дракулы своими собственными воинами. Далее говорится, что родственник Дракулы Влад, «от младенства инокъ, потом и священникъ и игумень в монастыри, потом ростригся и сель на воеводство (...) И ныне воевода на Мунтянской земли Владъ, иже бывы чернецъ и игумень».¹³⁸ Важно отметить при этом, что Ефросин также был иноком, священ-

137 Можно думать, что Ефросин не стремился к тому, чтобы оказаться узанным кем-либо – преждевременная смерть отца, сестры и других родственников заставляла его жить довольно незаметно. Не случайно даже специалисты по древнерусским рукописям осознали значение и масштаб деятельности Ефросина только в последние десятилетия, после выхода в свет статьи Я.С. Лурье (1961 г.) и подробного описания его сборников, принадлежавшего М.Д. Каган, Н.В. Поньрко и М.В. Рождественской (1980 г.).

138 Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 470. Влад Монах был, по одним сведениям, сыном, а по другим – братом Дракулы (Влада Цепеша) (Там же. С. 576).

ником и игуменом. Это заключение «Сказания о Дракуле», говорящее о том, что тезка тирана получил власть в своей стране, покинув свою обитель («ростригся»), находится только в списке Ефросина и в прямой копии с него XVII в., его нет ни в одной другой версии текста,¹³⁹ поэтому следует считать его предназначенным Федором Курицыным именно для конкретного адресата. Вероятно, великокняжеский дьяк таким образом давал понять Ефросину, что он бы не возражал против аналогичного развития событий и на Руси.

Пострижение в иноки князя Ивана Дмитриевича, можно думать, послужило примером для его 12-летнего родственника, известного как преподобный Иоасаф Каменский. Согласно авторитетному свидетельству современника и активного участника политической жизни той эпохи Паисия Ярославова, Иоасаф Каменский – это не кто иной, как князь Андрей Дмитриевич, родной брат Софьи Дмитриевны, матери Ивана Дмитриевича. Юный князь Андрей стал иноком в отдаленном Спасо-Каменном монастыре, очевидно, в 1460-х гг.¹⁴⁰

Смутные слухи о некоем князе, оставившем мирские интересы и избравшем духовный путь, доходили не только до «верхов» общества. В 1539 г. игумен Даниил сообщил, что в Переяславле при церкви св. Николая у городских ворот находятся почитаемые мощи некоего князя «Андрея Смоленского», о котором рассказывали, что он «за некия крамолы от братии остави отечество», потом пришел в Переяславль и подвизался у церкви Николая Чудотворца 30 лет. По преставлении князя обнаружили на нем «златую цепь и перстень», которые, по слухам, забрал себе Иван III (1462-1505 гг.); существовало и некое оставленное князем «малое списаньице» о себе, позже утраченное. Присланный из Москвы Чудовский архимандрит Иона признал эти легендарные исторические сведения неудовлетворительными, и ходатайство о причислении князя «Андрея Смоленского» к лику святых церковными властями было отклонено.¹⁴¹

Укажем также на две характерные «описки» инока Ефросина. В Кратком летописце под 1360 г. он говорит о вокняжении Дмитрия Донского и начинает писать другое имя: «Ивану (зачеркнуто – А.Б.) Дмитрею Ивановичу». В «Задонщине» Ефросин оставляет неисправленным следующий текст: «Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремит в славне городе Москве. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит – стучить сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича» (вместо Дмитрия Ивановича, прадеда князя Ивана Дмитриевича Шемякина). В контексте сказанного выше эти чтения приобретают характер подсознательной «проговорки» или даже своеобразной «спрятанной» подписи князя-инока (в особенности это касается чтения «Задонщины», где имя Ивана Дмитриевича включено в контекст одного из центральных эпизодов поэтического повествования о Куликовской битве).

139 См.: Повесть о Дракуле / Исслед. и подгот. текстов Я.С. Лурье. М.-Л., 1964. С. 86-113.

140 Во всяком случае, пострижение произошло не раньше конца 50-х гг. XV в., но до 1471 г., так как Иоасаф прожил в монастыре 5 лет и преставился; а далее в сказании говорится о преставлении «не по мнозе времени» игумена Кассиана при Иване III (т.е. после 1462 г.), следующая же статья посвящена пожару 1476 г., причем от погребения до пожара прошло «много лет» (См.: Прохоров Г.М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси. XI-XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 161).

141 Голубинский. История канонизации святых. С. 86-87.

3.2. Князь Иван Дмитриевич

Иван Дмитриевич родился в Угличе не ранее 1437 г. (в 1436 г. его будущий отец Дмитрий Шемяка ездил в Москву приглашать великого князя на свадьбу, но был задержан Василием Темным и сослан в Коломну). Осенью 6957 (1448) г. жена Шемяки София и сын Иван были приняты новгородцами и поселились в Юрьевом монастыре.¹⁴² То обстоятельство, что юный князь Иван провел свое детство и отрочество (примерно с 11 до 17 лет) в стенах обители, позволяет понять, почему впоследствии он избрал путь иноческого служения.

Спустя год после смерти отца, в 1454 г., князь Иван Дмитриевич покинул Новгород и отправился в Псков. Во вторник Вербной недели, 9 апреля 1454 года, на улицах и площадях Пскова царило необычайное оживление. Как отмечает летописец, в этот день из Великого Новгорода приехал князь Иван Дмитриевич, «и посадники псковския, и священники, и священноиноки, и дияконы, и вси мужи псковичи выидоша со кресты от святыя Троица, и прияха его с великою честью».¹⁴³ Моральная поддержка князя Ивана со стороны жителей Пскова была дополнена и материальной: «даша ему псковичи дару 20 рублевъ». Это в два раза больше, чем, например, получил князь Иван Андреевич (внук Ольгерда, сын Андрея Полоцкого), приезжавший в город в 1437 г.¹⁴⁴ В Пскове Иван Дмитриевич провел три недели. Именно за это время он, получивший образование в богатом книгами Юрьеве монастыре, мог ознакомиться с монастырскими библиотеками Пскова и скопировать для себя необычную по форме запись писца Домида на Апостоле 1307 г. Эта рукопись хранилась в псковском Пантелеймоновом монастыре, одном из двух, имевших такое посвящение. «Дальний Пантелеймон», находившийся в 5 верстах от города, на главной дороге, которая вела в Псков из Новгорода, был в XIV-XV вв. постоянным местом встречи приезжавших князей и владык.¹⁴⁵ Иван Дмитриевич не мог миновать этой обители, и, как человек «книжный», наверное, не мог не познакомиться с ее библиотекой. Таким образом, на наш взгляд, ему стала известна запись писца Домида.

Проведя в Пскове три недели и заручившись, очевидно, поддержкой республики, князь Иван 1 мая 1454 г. направился дальше, в Литву. Конечная цель его поездки уточняется данными новгородской летописи: «къ князю Казимиру королевичу».¹⁴⁶ В Новгороде у него остались мать, княгиня Софья Дмитриевна, и сестра Мария, ставшая супругой ранее псковского, а теперь новгородского служилого князя Александра Чарторыйского.¹⁴⁷

142 ПСРА. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 192.

143 Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.-Л., 1941. Вып. 1. С. 52.

144 Псковские летописи. Вып. 1. С. 44.

145 *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М., 1985. С. 169-171.

146 ПСРА. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 193. Для нас это важно, так как А.А. Зимин иначе оценивает итоги приезда князя Ивана в Псков: «Прошло всего три недели, как князь Иван Дмитриевич подобру-поздорову решил уехать в Литву» (*Зимин А.А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 161). С этим утверждением трудно согласиться: Иван изначально направлялся именно в Литву. См. подробнее: *Бобров А.Г.* Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории. М., 2003. Т. 2. С. 271.

147 Дмитрий Шемяка, находившийся в Новгороде одновременно с Чарторыйским, согласно Летописи Авраамки, рассматривался вплоть до своей гибели не как служилый, а как великий князь (ПСРА. Т. 16. Стб. 192-193).

Для московского правительства феодальная война не закончилась до той поры, пока оставалась реальной угрозой династического характера. Иван Дмитриевич был сыном великого князя, и если следовать новому принципу наследования «от отца к сыну», который столь рьяно отстаивали сами его противники, тоже мог претендовать на старшинство в роде (в этой связи заслуживает внимания запись в Синодике Иосифо-Волоколамского монастыря, поминающая, наряду с Иваном III, в качестве великого князя и Ивана Дмитриевича,¹⁴⁸ следовательно, сын Дмитрия Шемяки воспринимался как реальный претендент на престол). Однако миссия князя Ивана к Казимиру не увенчалась успехом: занятый собственными проблемами, великий князь Литовский и король Польский не смог оказать ему военной помощи (как раз в 1454 г. Казимир издал Нешавские статуты, ограничившие власть магнатов и короля, что заложило основы польской шляхетской республики, и начал тринадцатилетнюю войну с Тевтонским орденом¹⁴⁹).

Тем временем, летом 1454 г., опасаясь складывания новой княжеской оппозиции, Василий Темный захватил Можайск, вынудив своего бывшего союзника князя Ивана Андреевича Можайского с семьей также бежать в Литву. Составленный около этого времени московско-тверской договор включает требование к Борису Александровичу Тверскому «не приимати» литовских беглецов – тех, кто «отступил» от Василия Темного.¹⁵⁰ Не прошло и двух лет после отъезда Ивана Дмитриевича в Литву, как в январе 1456 г. Василий Темный атаковал Новгород. Именно «расплатой за двоедушную и близорукую политику новгородского боярства во время Шемякиной смуты» объясняет начало войны симпатизирующий Василию Темному В.Н. Бернадский.¹⁵¹ По мнению А.А. Зимина, нападение Москвы также объясняется тем, что Новгород «так или иначе стоял за спиной Дмитрия Шемяки», и в нем продолжали находиться его жена, дочь и зять.¹⁵² Псковичи, «крестное целование правя»,¹⁵³ в отличие от других аналогичных ситуаций XV в., выступили против великого князя и заняли сторону Новгорода, но Казимир в конфликт не вмешался (можно полагать, что не случайно в день накануне выступления в поход на Новгород Василий Темный устроил торжественные проводы в принадлежащий Литве Смоленск возвращаемой реликвии – чудотворной иконы Пресвятой Богородицы¹⁵⁴ – это была благодарность за невмешательство). Результатом военного превосходства москвичей явилось бегство в Литву 7 февраля 1456 г. матери Ивана Дмитриевича Софьи, которая направилась к сыну в маленький западнорусский город Оболчи; «тогда же» внезапно умирает и его юная сестра (дата погребения – 13 февра-

148 Дианова Т.В., Костюхина Л.М., Поздеева И.В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 125.

149 А.О. Казимир IV Ягеллончик // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия / Главный ред. В.Л. Янин. М., 1996. Т. 2: Д-К. С. 456.

150 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. № 59. С. 186-192.

151 Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961. С. 254.

152 Зимин. Витязь на распутье. С. 173.

153 Псковские летописи. Вып. 1. С. 53. Из этого известия следует, что псковичи в 1454 г. «целовали крест» великому князю Ивану Дмитриевичу.

154 Зимин. Витязь на распутье. С. 172-173.

ля).¹⁵⁵ А.А. Зимин считает, что после этого «путь к переговорам с Василием II был открыт», поэтому всего через два дня после погребения княгини новгородцы отправили посольство к великому князю для заключения Яжелбицкого мирного договора, включающего обязательство новгородцев не принимать князя Ивана Дмитриевича и его родственников. Исследователь замечает: «Уж очень эта смерть была для новгородцев своевременной, чтобы считать, что они не имели к ней никакого отношения».¹⁵⁶

Не ранее 1456 г. Ивану Дмитриевичу было пожаловано (привелей не сохранился¹⁵⁷) Новгород-Северское княжение, входившее в это время в состав возрожденной «Киевской Руси» – княжества, существовавшего фактически с 1432 г. (номинально – с 1440 г.)¹⁵⁸ Иван Дмитриевич и его дети владели Новгородом-Северским под эгидой Киева вплоть до захвата Киевского княжества Литвой в 1471 г., аналогичного подчинению Новгорода Москвой в те же годы. После 1471 г. они оказались под эгидой Польско-Литовского государства вплоть до 1500 г., когда перешли к Москве.¹⁵⁹

В то время, как Иван Дмитриевич стал удельным князем, Василий Темный продолжал бороться с его потенциальными союзниками. В 1456 г. он из превентивных соображений «поймал» в Москве и сослал в заточение (в Углич) своего бывшего верного союзника во время феодальной войны, князя Василия Ярославича Серпуховского,¹⁶⁰ а в 1460 г. сумел добиться изгнания из Пскова зятя Ивана Дмитриевича – князя Александра Чарторыйского. Интересно, что Василий Темный был согласен оставить Чарторыйского в Пскове, если тот «поцелуетъ животворящии крестъ ко мне князю великому и къ моимъ детямъ, к великимъ княземъ, что ему зла на мене и на моихъ детеи не мыслити». По всей видимости, связанный крестным целованием к Ивану Дмитриевичу, Чарторыйский отказался, заявив: «Не слуга де яз великому князю, и не буди целование ваше на мене, а мое на вас; коли не учнутъ псковичи соколом вороны иматъ (курсив мой – А.Б.), ино тогда де и мене Черторискаго вспомянете»¹⁶¹ (нетрудно догадаться, какую из противоборствующих сторон Александр Васильевич

155 ПСРА. Т. 16. Стб. 196 («Тогда же преставися княгиня Марья княжа Олександра Чарторыского, а дчи князя Дмитрия Юрьевича, положена бысть в монастыре у святого Георгия, в притворе, въ Юрьеве монастыре, в пятокъ на Федорове недели»).

156 *Зимин*. Витязь на распутье. С. 175.

157 *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 62.

158 История Киева в 4-х тт. Киев, 1982. Т. 1: Древний и Средневековый Киев. С. 236-239. Обратим внимание на то, что на территории этого княжества, в Печерском монастыре, были созданы две Кассиановских редакции Киево-Печерского патерика (1460 и 1462 гг.) и, очевидно, их архетип, в которых впервые этот памятник предстает как «литературный сборник особого состава, имеющий свою «программу» изложения материала (оглавление), определенный принцип организации текстов внутри свода» (*Ольшевская*. Типолого-текстологический анализ. С. 280).

159 См.: *Зимин А.А.* Формирование класса боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 138-142. А.А. Зимин ошибочно считал, что сын Ивана Дмитриевича Василий был рожден «от некой «чародеицы Греческия»» (Там же. С. 138), но в использованном им источнике, несомненно, так названа жена Ивана III Софья Палеолог.

160 *Зимин*. Витязь на распутье. С. 178-180.

161 Псковские летописи. Вып. 1. С. 58.

Чарторыйский сравнил с соколами, а какую – с воронами). В начале марта 1462 г. Василий Темный узнал, что готовится заговор с целью освобождения из угличского заточения князя Василия Ярославича Серпуховского, и подверг заговорщиков во главе с Владимиром Давыдовым жестокой публичной казни.¹⁶² Впоследствии автор Кирилло-Белозерского летописного свода 1472 г. даст суровую оценку этому злодеянию, совершенному в Великий пост. Еще до Пасхи Василий Темный умер от «сухотной болезни», и великим князем стал его сын Иван III.

Последнее по времени точно датированное упоминание Ивана Дмитриевича в качестве Новгород-Северского князя относится к 1463 г., когда новгородцы направили в Литву посольство «о княжи возмущении еже на Великий на Новъгородъ Ивана Васильевича (...) ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и къ князю Ивану Дмитриевичю побороть по Великомъ Новегороде отъ князя великого».¹⁶³ Безусловно, таким обращением новгородцы нарушили взятое на себя по Яжелбицкому мирному договору 1456 г. обязательство порвать всякие связи с Иваном Дмитриевичем и его семьей, а также с Иваном Можайским.¹⁶⁴ Очевидно, новгородцы не торопились «целовать крест» новому великому князю Ивану III. Литовские беглецы, однако, ответили уклончиво: «имашася побороть, како Богъ изволи». С этими словами князь Новгород-Северский Иван Дмитриевич Шемякин как действующее лицо исчезает со страниц источников. Можно утверждать, однако, что он не умер: по Коростынскому мирному договору 1471 г. Иван Дмитриевич вновь упоминается среди «недрузгов Москвы», которым новгородцы обязуются не давать убежища.¹⁶⁵

Являясь князем в пограничном с «Диким полем» княжестве, будущий инок Ефросин должен был многое узнать о степных кочевниках. Интерес книжника к описанию контактов, в том числе военных, с «незнаемыми» народами, их вооружения, быта и культуры появился не на пустом месте. Восточная тема была, безусловно, особенно близка Ефросину Белозерскому.

4. ЕФРОСИН БЕЛОЗЕРСКИЙ И «ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ»

4.1. Собрание восточных легенд Ефросина Белозерского

Для Руси стремление к неизведанным землям означало, главным образом, стремление на манящий и загадочный Восток, куда тянулись торговые пути и откуда доходили в Европу удивительные рассказы. Многие из них были записаны, переведены на десятки языков, и древнерусская книжность также усвоила, в основном, из Византии, легендарные сведения о восточных землях.

Из переводных сочинений древнерусский читатель мог узнать, что на краю обитаемого мира, за Персией, находится Индийское царство. На острове, отделенном от основной части Индии огромной рекой, живут блаженные мудрецы рахманы (их наименование восходит к древнеиндийскому *brahmanas*). В тех же краях древние авторы помещали диковинных «зверообразных» людей, в сред-

162 Сам Владимир Давыдов незадолго до этого перешел в Москву из Литвы (*Зимин*. Витязь на распутье. С. 184, 264).

163 ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

164 *Бернадский*. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 258.

165 *Янин В.А.* Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 190.

невековой письменности они часто связывались с народами, запертыми в горах Александром Македонским до последних времен перед концом света («Откровение Мефодия Патарского»). Где-то в тех же землях находилось и легендарное христианское царство могущественного «пресвитера (священника) Иоанна» («Сказание об Индийском царстве»). Еще дальше на востоке, за Индией, отделенный от нее рекой (иногда это Инд или Ганг), находился «земной рай», споры о существовании которого занимали многих книжников.

В древнерусской письменности с этими сюжетами связаны рассказы переводных хронографов, «Повести временных лет» (начало XII в.) и некоторых других летописей, «Сказания об Индийском царстве», разных версий романов об Александре Македонском. Эти сочинения появились на Руси еще в домонгольский период, и вплоть до XV в. отрезанная монголами от Востока Русь почти не получала новых сведений о «неизвестных землях».

Во второй половине XV в. на Руси совершается много важных событий: возникает централизованное государство, подчиняющее в значительной степени не только феодалов, но и церковь; страна освобождается от татаро-монгольского ига и начинает искать свой путь на Восток в качестве независимого государства. В это время инок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин создает в своих сборниках исключительно полную подборку сочинений, содержащих сведения о Востоке (и об Индии в особенности). Вот что Ефросин Белозерский собрал в древнерусской книжности о «неизвестных» восточных землях и народах:

1) «Ефросиновский хронограф» – одно из сочинений по древней истории, включающее описание похода Александра Македонского в Индию и живущих там народов. Единственный список произведения принадлежит перу Ефросина.

2) «Хронографическая Александрия» – переведенный с греческого языка роман об Александре Македонском, повествующий, в частности, о походе в Индию, о живущих там диковинных людях и фантастических животных.

3) «Сербская Александрия» – новая версия романа об Александре Македонском, появившаяся, предположительно, в Сербии. Древнейший русский список принадлежит перу Ефросина.

4) «Сказание о дочери Александра Македонского» – рассказ о том, как Александр Македонский нашел на Востоке источник бессмертия, но добытую волшебную воду выпила его дочь, за что была отцом проклята. Древнейший русский список принадлежит перу Ефросина.

5) «Слово о рахманах» – рассказ о блаженных мудрецах, живущих неподалеку отрая. Источником этого текста была византийская «Хроника» Георгия Амартола, но в отдельном переработанном и дополненном виде он известен только из сборника Ефросина.

6) «Сказание об Индийском царстве» – легендарное послание индийского царя-священника Иоанна византийскому императору. Древнейший русский список принадлежит перу Ефросина.

7) Отдельные выписки: об индийской птице Финикс, о восточных морях, горах и реках, о почитании в Индии животных и птиц, а также бога Диониса.

8) «Деяния апостола Фомы в Индии». Нач.: «В то время, в неже бяща вси апостоли...». Памятник находился в утраченном «Среднем Сборнике Ефро-

синовом», в конце «чернового описания» которого была сделана помета с датой 6983/1474 г. (месяца декабря).¹⁶⁶

Почти все тексты, как мы видим, известны в нашей рукописной традиции только начиная со списков Ефросина. Более того, отдельные фразы являются, безусловно, его собственными дополнениями. Так, например, в «Слове о рахманах», по сравнению с текстом источника, в автографе Ефросина добавлено, что у этих нагих мудрецов нет «ни храмов, ни риз, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя». Как заметили М.Д. Каган и Я.С. Лурье, эти слова «можно считать отражением весьма смелых взглядов самого Ефросина, имеющих характер своеобразной социальной утопии».¹⁶⁷

Итак, можно утверждать, что восточная тема серьезно и глубоко интересовала Ефросина Белозерского. В своих сборниках в 1460-90-х гг. он создал наиболее полную в древнерусской рукописной книжности подборку сочинений, включающих сведения о Востоке, Индии и «незнакомых народах».

4.2. Кем был Афанасий Никитин?

Приблизительно в то же время, когда Ефросин собирал крупницы сведений о «незнакомых» землях, русский путешественник Афанасий Никитин совершил свое знаменитое «Хождение за три моря», в Индию (вторая половина 1460-х гг. – первая половина 1470-х гг.). Исследователи обычно говорят о мотивах его путешествия, опираясь на собственные слова Афанасия. Он пишет, что когда на Каспийском море караван был ограблен, «у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь, а кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли... А яз пошел к Дербенти, а из Дербенти к Баке...».¹⁶⁸ Из этих слов делается вывод, что купец потерял все имущество, был должен на Руси кредиторам, и пошел на юг потому, что туда его «очи понесли». Но Афанасий мог говорить так о других, тем более, что его рассказ о себе имеет оттенок противопоставления («А яз пошел...»).

Описание путешествия, длившегося целый год, занимает совсем немного места, а со слов «И тут есть Индийская страна...» начинается подробный рассказ о главной, судя по всему, цели путешествия. В «Хождении» обращают на себя внимание несколько деталей, странных, если принять традиционную точку зрения на Афанасия Никитина как на небогатого торговца. Вот перечень «странностей» такого рода.

1) Герой выезжает в поездку из Твери не просто сам по себе, а «от великого князя ... и от владыки».¹⁶⁹ Далее он заезжает в Кострому к некоему князю Александру с какой-то «другой» грамотой (мы не знаем других примеров, чтобы простой купец возил княжеские грамоты).

2) Уже на Каспии по просьбе Афанасия один восточный правитель поехал к другому «на гору», чтобы тот помог освободить русских пленных, и это мероприятие увенчалось успехом.¹⁷⁰

166 *Никольский*. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. С. 79.

167 *Каган, Лурье*. Ефросин. С. 235.

168 Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Л., 1986. С. 19.

169 Хождение за три моря. С. 5, 18.

170 Хождение за три моря. С. 6, 19.

3) Афанасий Никитин утверждает, что истратил на жеребца 100 рублей¹⁷¹ (1 рубль = 200 денег по 0,4 грамма серебра, значит, затраты эквивалентны 8 кг серебра). Это огромная сумма для того времени.

4) Когда уже в Индии, в Джуннаре, хан отобрал этого жеребца и под угрозой смерти потребовал, чтобы Афанасий перешел в ислам, за русского путешественника успешно заступает некий влиятельный хоросанец (житель Хоросана, среднеазиатского мусульманского государства).¹⁷²

Все говорит о том, что Никитин – не заброшенный судьбой неизвестно куда торговец, «купец-неудачник и бедолага» (Я.С. Лурье), а совсем не бедный человек, входящий в «высшие круги», имеющий влиятельных покровителей и защитников. Заметим, что Афанасий нигде в тексте не говорит, что он купец – так его назвал автор предисловия к одной из версий «Хождения». Само литературное сочинение Афанасия – это, скорее, не «заметки для себя и для потомков», а написанный талантливо и неформально посольский отчет.

Отмеченный выше интерес князя-инока Ефросина к Индии, во всяком случае, свидетельствует о том, что княжеская среда могла быть источником и отправителем такого неофициального посольства. Для русских князей был жизненно важен вопрос: «Существуют ли за пределами мусульманского мира силы, способные помочь в борьбе с общим врагом?» Известное Ефросину «Сказание об Индийском царстве» утверждало, что там должно находиться могущественное христианское государство царя-священника Иоанна, и если бы это оказалось правдой, многое в мировой политике могло бы измениться. Но, может быть, еще более важным и интересным для древнерусского книжника было обретение «земного рая». Афанасий дошел до крайней границы распространения ислама, дальше начинались индусские государства, еще не попавшие в подчинение государству Тимуридов. Никитин рассказал индуистам, что он на самом деле не мусульманин Юсуф из Хоросана (с такой легендой он путешествовал), а христианин, после чего те «не стали ничего скрывать». Но оказалось, что здесь находится не граничащая с раем «земля блаженных» и не могущественное христианское царство, а часть Индии, упорно и не всегда успешно пытающаяся отстаивать свою независимость. В дипломатическом смысле миссия Афанасия Никитина была, конечно, совершенно бесплодной, но в историко-культурном смысле она имела огромное значение. Россия, благодаря распространению сочинения Афанасия Никитина в рукописной традиции, впервые познакомилась не со сказочной, а с реальной Индией.

Вероятная связь миссии Афанасия Никитина с деятельностью Ефросина Белозерского подкрепляется некоторыми текстологическими аргументами, позволяющими предположить знакомство автора записок о путешествии в Индию со «Словом о полку Игореве». Как известно, в «Слове» говорится: «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ».¹⁷³ Схожее чтение, как показал Л.А. Дмитриев, появляется в Погодинском варианте первой редакции «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» (три списка XVI – начала XVII вв.): «Продаваху шестника (полонеников) по два (шестника) на ногату, (а) по три на резану». По мнению исследователя, автор Погодинского варианта ис-

171 Хождение за три моря. С. 7, 20.

172 Хождение за три моря. С. 8, 21.

173 ЭСПИ. Т. 1. С. 12.

пользовал здесь текст «Слова о полку Игореве».¹⁷⁴ В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина дешевизна пленников описана похоже: «А продавали голову полону по 10 тенекъ, а робята по две тенкы».¹⁷⁵ Связывает сочинение Афанасия Никитина со «Словом о полку Игореве» и другой фрагмент текста. М.А. Шибаев заметил, что словосочетание «горы каменные» является довольно редким (исследователь отметил его только в «Слове о полку Игореве», «Задонщине» и в «Хождении Игнатия Смолянина»). Это же выражение находим и у Афанасия Никитина: «Алмаз родится в горѣ каменной, а продают же тую гору каменую локот по двѣ тысячи фунтовъ златых новаго алмазу».¹⁷⁶ Встречаются в его тексте и такие характерные для «Слова» лексемы как «безводни», «болван», «боронить», «дебрь», «жемчюг», «истягнуть», «лютый зверь», «оксамит», «поморье», «салтан», «сулицы» и др.

Эти чтения позволяют предположить, что Афанасий Никитин мог знать текст «Слова о полку Игореве».

4.3. Ефросин – первый востоковед?

Между двумя историческими персонажами – Ефросином Белозерским и Афанасием Никитиным – вообще обнаруживаются хотя и не прямые, но любопытные связи.

Старшие списки «Хождения» Афанасия Никитина находятся в рукописях, тесно связанных именно с Ефросиновской книжной традицией. Произведение сохранилось в двух старших изводах – Троицком и Летописном.¹⁷⁷ Древнейший список «Хождения» Троицкого извода находится в сборнике с Ермолинской летописью, восходящей к Кирилло-Белозерскому летописному своду начала 1470-х гг. Создание этого свода Я.С. Лурье гипотетически связывал с деятельностью Ефросина. Списки «Хождения» Летописного извода находятся в составе двух других летописей (Львовской и Софийской второй), восходящих к Независимому летописному своду 1480-х гг., а этот свод также основан на Кирилло-Белозерском своде, возможно, принадлежавшем перу Ефросина. Характерно, что в официальное московское и тверское великокняжеское летописание отчет о путешествии Афанасия Никитина включен не был.

Наконец, существует древнейший список «Хождения» – небольшой фрагмент текста в сборнике конца XV в. (РГБ, Музейское собрание, № 3271). Этот сборник общими почерками писцов объединяется с другим сборником (РНБ, Софийское собрание, № 1462). Оба они были созданы в одном кругу книжников. Как уже отмечалось выше, удалось установить, что во второй сборник была включена часть, являющаяся автографом Ефросина Белозерского. Следовательно, древнейший список «Хождения» был создан в кругу Ефросина. Таким образом, все старшие списки «Хождения» Афанасия Никитина в Индию связаны так или иначе с рукописной традицией Ефросина. С другой стороны, белозерский книжник собрал все, что мог, об Индии. Наконец, Афанасий во

174 Дмитриев Л.А. Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 50-54.

175 Хождение за три моря. С. 16.

176 Хождение за три моря. С. 12, 26.

177 Лурье Я.С. Афанасий Никитин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая пол. XIV-XVI в.). Ч. 1: А-К. С. 81-88.

время путешествия выглядит скорее как своего рода посол, а не разорившийся купец. Признавая Ефросина князем-иноком, мы вправе думать об определенной связи его «восточных интересов» и путешествия Афанасия Никитина.

Созданные в 1490-х гг. в близких кругах книжников сборники РГБ, Музейское собрание, № 3271 (с древнейшим списком «Хождения за три моря») и РНБ, Софийское собрание, № 1462 (частично переписанный Ефросином) содержат две древнейших версии другого текста, посвященного восточным народам – «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране». Наиболее подробное и тщательное исследование «Сказания» принадлежит А.И. Плигузову, посвятившему этому произведению статью¹⁷⁸ и отдельную монографию.¹⁷⁹ К шести спискам памятника, известным Д.Н. Анучину,¹⁸⁰ он добавил еще восемь, провел их полный текстологический и кодикологический анализ, выявил существование двух редакций и подготовил научное издание «Сказания». А.И. Плигузов обнаружил, что два списка относятся к Первой редакции, а остальные двенадцать – ко Второй редакции (в которой особо выделяются поздние изводы – Музейный и Архивный). Кроме того, исследователь опубликовал английский перевод фрагмента «Сказания» из отчета Ричарда Джонсона (XVI в.).

Первая редакция произведения, как установил А.И. Плигузов, представлена двумя списками: РГБ, Музейское собрание, № 3271 (далее – М) и БАН, 4.3.15 (далее – Б). Список М находится в сборнике, не раз, благодаря своему уникальному составу, привлекавшем внимание исследователей. Рукопись была дважды подробно описана.¹⁸¹ Весьма вероятно, что этот сборник второй половины 1490-х гг., содержащий, в частности, древнейший, хотя и неполный список «Хождения» Афанасия Никитина, был создан при кафедре пермского епископа Филофея.¹⁸² Дефектный (фрагментарный) список Б датируется 1510-ми гг.; основной почерк этого сборника, как отметил А.И. Плигузов, совпадает с почерком второй части конволюта М, следовательно, по его мнению, он также создавался при пермской кафедре, но уже не при Филофее, а при его преемниках – Никоне (1502-1514) или Протасии (1514-1520). Среди статей сборника Б находится, в частности, «уникальный список процедуры шертования югорских и кодских князей при участии владычной администрации пермского епископа Филофея в его кафедральном городке Усть-Выми 31 декабря 1484 г.».¹⁸³

А.И. Плигузов впервые выделил две редакции «Сказания» и описал основные текстуальные отличия между ними. В Первой редакции отсутствуют заглавие, один из рассказов (о «линной самояди»), а также целый ряд других подробностей и пояснений, порой довольно существенных. Как заметил иссле-

178 Плигузов А. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 38-50.

179 Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.-Ньютонвиль, 1993.

180 Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. М., 1890. Т. 14. С. 227-313.

181 Седельников А.Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Л., 1932. Т. 1. С. 33-57; Кудрявцев И.М. Сборник последней четверти XV – начала XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 220-288.

182 Плигузов. Текст-кентавр. С. 113-115.

183 Плигузов. Текст-кентавр. С. 117-118.

дователь, экзотические описания «незнакомых людей» в Первой редакции «менее сенсационны», чем во Второй. Так, например, из Второй редакции мы узнаем про самоедов, что они съедали не только своих умерших, но и «гостей», если те умирали во время путешествия. Во Второй редакции говорится также, что самоеды – «стрелцы скоры и горазды», что они ездят не только на оленях, но и на собаках. По сравнению с Первой редакцией, здесь устранены черты разговорной речи (частицы «деи»), более подробно разработаны детали легенд о подземном озере и о шестии мертвых и т.д.¹⁸⁴ Очевидно, Первая редакция имела характер своего рода «черновика», поэтому и дошла до нас только в двух списках. Таким образом, хотя Вторая редакция, безусловно, восходит к Первой, с историко-литературной точки зрения она представляет не меньший, а возможно и больший интерес, так как в ней мы имеем наиболее полный и художественно «отделанный» текст «Сказания», получивший распространение в рукописной традиции. Эта же версия текста, между прочим, была использована в XVI в. для перевода на английский язык.

Среди списков Второй редакции древнейшим является Софийский (РНБ, Софийское собр., № 1462, далее – Соф.). Сборник был создан около 1500 г. (одна из заметок прямо указывает на 1499 г. путем отсчета 60 лет от события 1439 г.). Исследователь обнаружил, что часть сборника Соф. (лл. 12-26 и 82-97) переписана «той же рукой, что и лл. 1-65» кодекса М, следовательно, эта рукопись появилась также в окружении Филофея, или «в его резиденции на Усть-Выми, или в Ферапонтовом монастыре, где с апреля 1501 г. до смерти, последовавшей 1 октября 1507 г., жил на покое пермский епископ».¹⁸⁵ В той же рукописи находится «Пермский дорожник», единственный список которого был обнаружен и опубликован А.И. Плигузовым.¹⁸⁶ В «Пермском дорожнике», как и в «Сказании», говорится о малоизвестных на Руси восточных землях, в том числе находящихся за Уралом.

Установление на основании сравнения почерков того факта, что в рассматриваемом сборнике Соф. находятся листы, переписанные в феврале 1500 г. кирилло-белозерским книжником Ефросином (лл. 98-112), приводит в выводу, что один из древнейших списков «Сказания о человецех незнаемых» был создан в кругу не только епископа Филофея Пермского, но и священноинока Ефросина Белозерского. А.И. Плигузов показал, что в число памятников, известных его автору, могло входить и «Сказание об Индийском царстве»,¹⁸⁷ старший список которого, напомним, принадлежит перу Ефросина. Схема, по которой написан рассказ «о человецех незнаемых» (о сибирских народах), как заметил А.И. Плигузов, «точно соответствует формуляру расспросных речей и наказных памятей сибирским первопроходцам позднейшего времени» (Какие там люди? Где живут? Что едят? Как выглядят? Какое платье носят? Чем торгуют? Какое у них оружие? и т.д.). Добавим, что «Хождение» Афанасия Никитина составлено по тому же формуляру, но с добавлением описания личных переживаний автора. Во Второй редакции «Сказания о человецех незнае-

184 Плигузов. Текст-кентавр. С. 127-129.

185 Плигузов. Текст-кентавр. С. 115-117.

186 Плигузов. Первые русские описания. С. 49-50; Плигузов. Текст-кентавр. С. 25-27.

187 Плигузов. Текст-кентавр. С. 35-39.

мых» появляется дополнительное чтение: о самоедах говорится, что они «рѣзвы велми и стрѣлцы скоры и горазди». «Горазди» – достаточно редкое слово; кроме «Слова о полку Игореве», оно встречается также в некоторых летописях и в произведениях, известных по древнейшим спискам Ефросина Белозерского («Сербская Александрия», «Задонщина»)¹⁸⁸. Следует также отметить интересные параллели между текстами «Сказания о человецех незнаемых» и «Сказания об Индийском царстве». В описании сибирских народов о самоедах говорится, что они «по пупъ люди мохнаты до долу»; параллель со «Сказанием об Индийском царстве» отмечена А.И. Плигузовым: в земле царя-пресвитера Иоанна живут «люди, скотьи ноги имѣюще» (список Ефросина: РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, л. 198 об.)¹⁸⁹. О других самоедах сказано: «Въ той же странѣ за тѣми людьми, над тѣм же морем, есть инаа самоѣдь такова: вверху рты, рот на тѣмени имѣют, а не говорят. А видѣние в пошлину человеце. И коли ѣдят, и они крошат мясо или рыбу, да кладут под шапки. И как почнут ясти, и они плечима движут и вверху, и вниз». Согласно Д.Н. Анучину, это известие объясняется особенностями костюма: «одежда Самоедов шьется в роде мешка с отверстием вверху для просовывания головы», причем «есть в таком костюме не совсем удобно, и надо или отгибать воротник или поднимать рот кверху, чтобы класть в него пищу»¹⁹⁰. Достаточно точное совпадение со «Сказанием» обнаруживается в северных рассказах о людях без головы с лицом на груди – миравда и чучунах, особенно в легенде эвенков, записанной на Нижней Лене, недалеко от земель самодийцев-нганасан: «Челюстей у них не было, и жевать они не умели. Когда ели, то проталкивали пищу плечами, то поднимая, то опуская, и тем сокращая грудную клетку»¹⁹¹. С другой стороны, в литературе отмечалось также весьма точная параллель к этому описанию из «Сказания об Индийском царстве», где упомянуты «въ единой странѣ люди нѣмы», «а во иной земли ... люди верху рты великы» (список Ефросина: РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, лл. 198, 198 об.)¹⁹². Текст Первой редакции особенно близок к «Сказанию об Индийском царстве»: «В той же стране за теми людьми ... вверху рты... а немые...» (во Второй редакции слово «немые» сокращено). Еще одна разновидность самоедов – «без голов. Рты у них меж плечми, а очи в грудех». Олеарий в XVII в. объяснял появление образа безголовых людей особенностями северного костюма¹⁹³; эта особенность одежды самодийцев (ненцев) поразила и Николаса Витсена: «Когда голова мерзнет, они натягивают свой кафтан на голову, что очень странно выглядит»¹⁹⁴. По мнению Б.О. Долгих, появление образа безголовых людей было обусловлено

188 См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.-Л., 1965. Вып. 1. С. 168.

189 Плигузов. Текст-кентавр. С. 36.

190 Анучин. К истории ознакомления с Сибирью. С. 273.

191 Венедиктов Г.Л. Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 402; предполагать здесь, вслед за автором, эвенкийскую «фольклоризацию памятника древнерусской литературы» нам не представляется возможным.

192 Анучин. К истории ознакомления с Сибирью. С. 274; Плигузов. Текст-кентавр. С. 36.

193 Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 170.

194 Витсен Н. Путешествие в Московию: 1664-1665. Дневник / Пер. со староголландского В.Г. Трисман. СПб., 1996. С. 116.

использованием полярной одежды «с капюшоном вместо шапки».¹⁹⁵ У нганасан есть предания о безголовых людях: «головы у них совсем нет, два глаза в плечах»; «головы у него нет, глаза у него там, откуда руки начинаются».¹⁹⁶ В то же время, как отметил А. Плигузов, в «Сказании об Индийском царстве» упоминаются «люди в персех очи и ротъ» (список Ефросина: РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, л. 198-198 об.).¹⁹⁷ Говорится в «Сказании о человецех незнаемых» и о других людях, которые «ходят по подземелию иноу рѣкою, день да ночь съ огнем, и выходят на озеро». Сходные мотивы отмечены А.И. Плигузовым, с одной стороны, в «Сказании об Индийском царстве»: «течет рѣка под землю невелика... Та же рѣка течеть в великую рѣку. Люди же тоя земли ходят на устье рѣкы...» (список Ефросина: РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, лл. 200, 200 об.), а с другой стороны – в рассказах канинских ненцев о некоем народе, живущем под землей.¹⁹⁸

Весьма вероятно, что создание и «Сказания о человецех незнаемых» было обусловлено интересом к восточным народам, взглядами и кругозором бывшего князя, выдающегося книжника и, можно сказать, «первого востоковеда» на Руси – Ефросина Белозерского. Русская культура, пожалуй, только выиграла от того, что князь Иван Дмитриевич стал иноком Ефросином. С его интересами и деятельностью можно связывать первый мощный импульс движения на Восток, позже принявшего государственные формы. Неведомые языческие страны открылись России вплоть до Тихого океана.

5. ЕФРОСИН БЕЛОЗЕРСКИЙ – АВТОР ЗАПИСИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?

В тексте «Слова о полку Игореве» есть чтения, заставляющие задуматься о возможном участии в создании его текста Ефросина Белозерского. Как показал М.А. Шибаетов, два чтения памятника восходят к С1 (на самом деле, к своду-протографу С1-НК2 – Своду митрополита Фотия): «Отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ...» и «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву». Как отмечалось выше, эти если данные чтения не являются вторичной вставкой редактора «Слова о полку Игореве», то могут, действительно, свидетельствовать о письменной фиксации этого памятника не ранее 1418-1419 г.

Как отмечал О.В. Творогов (см. об этом выше), существуют текстологические свидетельства знакомства Ефросина со «Словом о полку Игореве». Список Ефросина (Краткая редакция «Задонщины») имеет 11 индивидуальных параллелей со «Словом» – существенно больше, чем какой-либо другой список «Задонщины». Хотя параллели имеют разный объем и разную доказательную силу, в своей совокупности они убеждают, что список Ефросина напрямую был связан со «Словом о полку Игореве».

195 Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Запись, подгот. текстов, введение и комм. Б.О. Долгих. М., 1976. С. 23.

196 Мифологические сказки и исторические предания. С. 136, 138.

197 Плигузов. Текст-кентавр. С. 36.

198 Там же. С. 37, 41.

Окружение («литературный конвой») «Слова о полку Игореве» в Мусин-Пушкинском сборнике в целом достаточно точно соответствует столь необычным для своего времени интересам и вкусам Ефросина. В Мусин-Пушкинском сборнике, помимо «Слова о полку Игореве» и Новгородской первой летописи младшего извода (середина XV в.), находились списки трех повестей: «Сказания об Индийском царстве», древнейший список которого принадлежит перу Ефросина, а также «Девгениева деяния» и «Повести об Акире Премудром», близких ему по языку, тематике и характеру повествования.¹⁹⁹ Между прочим, единственный из видевших рукопись лиц профессиональный археограф А.И. Ермолаев определил почерк Мусин-Пушкинского списка как «полуустав XV в.»,²⁰⁰ а это – время деятельности Ефросина. Также видевший сборник Н.М. Карамзин датировал его концом XV в., а Л.П. Жуковская по лингвистическим признакам отнесла список ко времени около 1480 г.²⁰¹ Отмеченное Я.С. Лурье полное отсутствие в рукописной традиции XVI в. содержащихся в сборнике беллетристических сочинений заставляет нас доверять свидетельствам А.И. Ермолаева и Н.М. Карамзина больше, чем другим предполагаемым исследователями датировкам сгоревшей рукописи²⁰² (большинство исследователей датируют сборник XVI в.).

В таком случае весьма заманчиво рассматривать Мусин-Пушкинский сборник как автограф Ефросина или очень близкую по времени копию с него, а само «Слово» – как произведение, попавшее из княжеской рукописной традиции в монастырскую благодаря трудам этого книжника. Вообще, благодаря книгописной деятельности Ефросина, видимо, могли перейти из одной (княжеской, светской) рукописной традиции в другую (церковную и монастырскую) и сохраниться до наших дней многие тексты, такие как «Сербская Александрия», «Сказание об Индийском царстве», легенды о рахманах и о Китоврасе... (сам «князь-инок» – это тоже своеобразный «Китоврас» – кентавр, один из любимых персонажей Ефросина).

Установление новгород-северского княжеского прошлого инока Ефросина делает крайне маловероятной точку зрения «скептиков» (т.е. исследователей, считающих «Слово» подделкой Нового времени). Дело в том, что если Ефросин Белозерский – это бывший Новгород-Северский князь Иван Дмитриевич, и во второй половине XV в. он создает «Задонщину» (или, как минимум, ее Краткую редакцию), в которой Новгород-Северское княжество *не упоминается*, то представляется абсолютно невозможным совпадением, чтобы через 300 лет (по версии «скептиков») на основе «Задонщины» мог быть создан рассказ о походе *именно* Новгород-Северского князя – ведь автор подделки не мог никоим образом знать о доиноческой биографии Ефросина.

Представляется вероятным, что «обретение» «Слова о полку Игореве» связано с деятельностью бывшего Новгород-Северского князя Ивана Дмитриевича, позже – инока Ефросина, который перенес этот текст из княжеской рукописной традиции в монастырскую и использовал его при создании «За-

199 См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 163-192, 388-389.

200 Белоброва О.А. Ермолаев Александр Иванович // ЭСПИ. СПб., 1995. Т. 2: Г – И. С. 171.

201 Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 68-125.

202 Творогов. Мусин-Пушкинский сборник. С. 287-291.

донщины». Есть основания полагать, что «Слово о полку Игореве» во второй половине XV в. было в руках у Ефросина Белозерского. В таком случае, бесспорно, «Слово о полку Игореве» не является подделкой Нового времени.

Учитывая сказанное выше, можно ли выдвинуть предположение, что Ефросин был не просто «археографом», открывшим памятник в архивах Новгород-Северского княжества, но автором его текста? До сих пор было принято считать Ефросина только «книжником», переписывавшим и отчасти редактировавшим имевшиеся в его распоряжении тексты, однако пристальное изучение некоторых произведений, дошедших до нас в его списках, позволяет взглянуть на кирилло-белозерского инок как на самобытного писателя.

Книжное наследие Ефросина Белозерского велико и разнообразно, но принадлежащих его перу сочинений по русской истории в сохранившихся сборниках не так много. Единственный летописный памятник, дошедший до нас в автографе Ефросина – это краткий летописец, первый лист которого находится в сборнике РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 22/1099 (л. 14 об.), а основная часть, некогда вырванная П.М. Строевым, оказалась в рукописи РНБ, Погод. № 1554 (л. 13-17). Я.С. Лурье дал общий обзор состава летописного памятника и попытался определить его место в истории русского летописания.²⁰³ По мнению исследователя, летописец Ефросина (далее – ЛЕ) является «кратким, но последовательным конспектом» другого сочинения, «Летописца русского», опубликованного А.Н. Насоновым по двум спискам.²⁰⁴ Старший список этого произведения, доводящего повествование в своей основной части до 1482 г., датируется концом XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 941) и также происходит из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Я.С. Лурье указал на существование еще двух списков «Летописца русского» и определил его как памятник, восходящий к Кирилло-Белозерскому своду начала 1470-х гг. В свою очередь, Кирилло-Белозерский свод был реконструирован Я.С. Лурье на основании чтений восходящих к нему летописей (Ермолинской, Сокращенных сводов конца XV в. и Устюжской летописи).

Мнение Я.С. Лурье о месте ЛЕ в истории летописания, однако, должно быть пересмотрено. Во-первых, сравнение ЛЕ с «Летописцем русским» позволяет утверждать, что переписанный Ефросином текст, несмотря на то, что он значительно короче, вовсе не является «конспектом» более пространной летописи, а имеет все признаки первичности. Приведем доказательства.

В статье 6696/1188 г. у Ефросина, в полном соответствии с Лаврентьевской и Троицкой летописями, говорится, что «гром страшен ... зарази двое чяди», а в «Летописце русском» исправлено: «двое деток». Под 6829/1321 г. в ЛЕ говорится о солнечном затмении, что оно произошло в июне и в 3 часа дня, и что солнце «бысть» как месяц (так же и в Троицкой летописи), а в «Летописце русском» месяц вообще не указан, о времени сказано «въ десятии час дни», а про солнце говорится, что оно не «бысть», а «осталось» как месяц.

Кроме того, в «Летописце русском», по сравнению с ЛЕ и Троицкой летописью, сокращены точные даты преставления митрополита Петра и основания

203 Лурье. Общерусские летописи XIV-XV вв. С. 206-208.

204 Летописный свод XV века (по двум спискам) / Подгот. текста и вводная ст. А.Н. Насонова // Материалы по истории СССР. [Т.] 2: Документы по истории XV-XVII вв. М., 1955. С. 275-321.

Успенского собора в Москве (6834/1326 г.), рождения князя Юрия Дмитриевича (6883/1375 г.), известие об исцелении митрополитом Алексием царицы Тайдулы в Орде (6865/1357 г.), фразы «пред собою» в рассказе о знамени 6879/1371 г. и «много зла створи» в описании «Тахтамышевщины» (6890/1382 г.), указание на то, сколько лет находился на кафедре митрополит Алексей (6885/1378 г.) и слова «святыи старец» в повествовании о преставлении Сергия Радонежского (6900/1392 г.). Если полагать, что ЛЕ являлся сокращением «Летописца русского», то невозможно объяснить наличие в его тексте приведенных выше, безусловно, первичных чтений. Многие из указанных искажений первоначального текста присущи также Кирилло-Белозерскому своду начала 70-х гг. XV в. (судя по тем памятникам, на основании которых он реконструируется), а также Московско-Академической летописи. Вторичность последней по сравнению с ЛЕ, подтверждаемая чтениями «детеи» вместо «чади» и «осталося» вместо «бысть», особенно примечательна, ведь в ней содержится ряд уникальных исторических известий. Именно из Московско-Академической летописи мы знаем о том, например, что после нашествия Тохтамыша Дмитрий Донской прогнал митрополита Киприана, «и бысть отголе мятеж в митрополии» (Троицкая летопись и Свод Фотия об этом умалчивают). Но это сообщение читается уже в кратком летописце Ефросина: «В лето 6891 князь великыи Дмитрие Иванович сослал Киприана митрополита, и бысть отголе мятежь в митрополии».

Все это не удивительно. Дело в том, что сам список ЛЕ должен быть датирован более ранним временем, чем полагал Я.С. Лурье. Он утверждал, что содержащий ЛЕ сборник «по водяным знакам и тексту довольно точно датируется 70-ми годами XV в.».²⁰⁵ Однако исследования, проведенные в последнее время С.Н. Кистеревым и М.А. Шибаевым, показали, насколько сложным и разновременным был процесс сложения Ефросиновских сборников. Рукопись РНБ, Кир.-Бел. № 22/1099, как отметила в своем описании еще М.Д. Каган, также была составлена из «тетрадей, писанных в разное время».²⁰⁶ Текст ЛЕ находится в первой части рукописи, охватывающей л. 1-46. Здесь встречаются, согласно упомянутому описанию, следующие водяные знаки:

- 1) «Лошадь» (л. 4, 6, 8) – Брике, № 3571 (1453-1481 гг.);
- 2) «Ножницы» (л. 23, 24) – Брике, № 3744 (1448-1463 гг.);
- 3) «Зубр» (л. 13, 37, 41) – Лихачев. Вод. зн. № 4039 (1459 г.);
- 4) «Голова быка с крестом между рогами» (л. 30, 36) – Лихачев. Вод. зн. № 2263 (1453 г.).

Мы видим, что три из четырех филиграней (№ 2-4) относятся ко времени до 1463 г. Что же касается первого знака («Лошадь»), имеющего более широкие хронологические границы, то он встречается в еще одном сборнике Ефросина (РНБ, Кир.-Бел. № 53/1130), а в нем, в свою очередь, имеется запись 1463 г. По наблюдениям М.А. Шибаева над филигранями и разлиновкой кодекса, сборник РНБ, Кир.-Бел. № 53/1130 в целом «можно датировать временем, близким к этому году».²⁰⁷ Таким образом, по водяным знакам список ЛЕ может быть датирован не 70-ми годами XV в., как думал Я.С. Лурье, а первой половиной – серединой 1460-х гг., временем, «близким к 1463 г.». К ранней датировке подво-

205 Лурье. Общерусские летописи XIV-XV вв. С. 207.

206 Каган и др. Описание сборников. С. 8.

207 Шибаев. Списки Софийской I летописи. С. 106.

дит нас и анализ содержания ЛЕ (первый издатель текста А.А. Зимин вообще на основании упоминаемых исторических лиц и событий отнес ЛЕ к середине XV в.). Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Памятник состоит из двух частей – основной и дополнительной. Основная часть ЛЕ начинается родословием русских князей, причем последним назван Василий Васильевич (умер 27 марта 1462 г.). Более того, родословие завершается фразой: «9-е колено от Всеволода московские князи, а от Рюрика 17 коленъ московские князи». Следующий великий князь, Иван III (18 колено), в ЛЕ не упомянут. Завершается хронологически последовательная сетка статей ЛЕ тремя известиями о судьбе князей, потерпевших поражение в феодальной войне XV в. (отца и двух сыновей):

«Того же (1434 г.) лета преставися князь Юрии Дмитриевич.

В лето 6945 (1437 г.) поимали князя Василя Юриевича маиа 14.

В лето 6961 (1453 г.) преставися князь Дмитрией Юрьевич иуля 23».

Наиболее позднее летописное известие дополнительной части датировано 1 февраля 6967/1459 г. В этом разделе находится также перечень русских митрополитов. Последний в списке иерархов Иона умер в 1461 г., причем все митрополиты пронумерованы, и завершается список фразой «[В]сех их 29». Имена же 30 и 31 митрополитов (Феодосия и Филиппа) добавлены Ефросином явно позже написания основного текста. Важно отметить, что данный перечень иерархов не является «церковно-поминальным», так как в него включен Исидор с пометой «еретик, согнанныи с престола». Следовательно, даже если Ефросин учитывал только «прежде бывших» митрополитов, составление перечня надо отнести ко времени до 13 сентября 1464 г., когда Феодосий Бывальцев покинул кафедру.

Таким образом, как датировка списка по филиграням, так и анализ свидетельств самого текста, подводят нас к одному и тому же выводу: ЛЕ был создан и переписан в первой половине 1460-х гг. Это, в свою очередь, позволяет понять, почему этот памятник не может являться «конспектом» более значительных по объему, но созданных позже произведений («Летописца русского», Кирилло-Белозерского свода начала 70-х годов XV в. и, по всей видимости, Московско-Академической летописи). Напротив, он был их источником, своего рода «заготовкой». Наличие в Ефросиновском списке следов творческого отношения к тексту (более 20 приписок над строкой и на полях, зачеркнутых или выскобленных букв и целых слов) позволяет утверждать с большой долей вероятности, что книжник не был простым копиистом чужой работы. Скорее всего, эта подборка летописных известий принадлежит самому Ефросину и относится к первому периоду его книгописной деятельности (начало – середина 1460-х гг.).

Какие же источники использовал Ефросин Белозерский при создании этого произведения? Оказывается, он последовательно соединял чтения Троицкой (далее – Тр) и Софийской 1 (далее – С1) летописей. Это доказывается двумя случаями, когда Ефросин невольно (как мы увидим дальше, он ставил перед собой другую задачу) соединил («контаминировал») информацию этих источников. Сравним тексты:

Мы видим, что в первом случае Ефросин взял из Тр **«зимы.. на небеси... облак(омъ) аки кровав(ымъ)»**, в то время как чтение *«свет яко заря»* явно по-

Тр>	>ЛЕ<	<С1
Тое же зимы бысть на небеси знамение страшно: преходити облакомъ аки кровавымъ съ востока къ западу.	Тое же зимы февраля 3, нощи час, знамение бысть на небеси: облак яко кровав и <u>свет яко заря</u> .	Того же лета в Филипово говение бысть знамение въ месяци, аки темною кровию покровень створися на чисте небе. Тое же весны в великое говение <u>акы огненыи зари</u> явишася...
Тое же осени месяца октября въ 20 день прииде князь великий Василей Дмитриевич.	Тое же осени октября 24 <u>выиде из Орды</u> князь великий Василей Дмитриевич.	...великий князь Василии Дмитриевич (...) <u>выиде из Орды</u> на великое княжение.

пало в его текст под влиянием С1. Во втором случае он позаимствовал из Тр фразу «Тое же осени октября 20», а из С1 – «выиде из Орды».

Преобладают в сочинении Ефросина, однако, примеры другого рода. Чаще всего он выписывал текст либо из одного, либо из другого источника.

Из Троицкой летописи книжник позаимствовал:

1) Отсутствующие в С1 **известия** о землетрясении 6634/1126 г., о «поставлениях», отставках и кончинах ростовских епископов в 6666/1158, 6693/1185, 6997/1189, 6698/1190, 6739/1231, 6819/1311, 6836/1328, 6845/1337, 6854/1346, 6864/1356 гг., сведения о смертоубийственном «громе» 6696/1188 г., об освящении Успенского собора епископом Петром (6835/1327 г.), об излечении царицы Тайдулы митрополитом Алексием (6865/1357 г.), о «море» в Нижнем Новгороде и Переяславле (6872/1364 г.), о рождении князя Юрия Дмитриевича и о том, что его крестил Сергей Радонежский (6883/1375 г.), о двух приходах на Русь митрополита Киприана (6889/1381 и 6897/1389 гг.), о преставлении Сергия Радонежского (6900/1392 г.), рассказы о небесных знамениях 6879/1371 и 6914/1406 гг.

2) Неизвестные С1 «**точные даты**» знамения 6829/1321 г., основания Успенского собора в Москве (6834/1326 г.), смерти великого князя Ивана Ивановича (6867/1359 г.) и митрополита Алексия (6885/1377 г.), «поставления» епископа Ростовского Григория (6904/1396 г.).

С другой стороны, Ефросин заимствовал из С1:

1) Отсутствовавшие или отличавшиеся в Тр *известия*: описание знамения 6712/1204 г., сообщения о перенесении мощей епископа Ростовского Леонтия (6738/1230 г.), о буре в Ростове 6809/1301 г., о смерти князя Давыда Ярославского (6829/1321 г.), о совпадении Благовещения и Пасхи (6888/1380 г.), о приходе на Русь митрополита Фотия (6918/1410 г.), а также имя убитого в Твери ханского посла («Щелкан» вместо «Шевкал», 6835/1327 г.).

2) Отличающиеся от Тр *указания на год* или «*точные даты*» преставления митрополитов Максима (6813/1305 г.) и Феогноста (6861/1353 г.), великих князей Ивана Даниловича (6849/1341 г.) и Дмитрия Ивановича (6896/1388 г.), вокняжения Ивана Ивановича (6861/1353 г.) и «поставления» митрополита Алексия (6862/1354 г.).

В совокупности перечисленные чтения составляют значительно больше половины летописного текста Ефросина. Оставшаяся часть – это либо краткие указания на важнейшие события русской истории (например, «Бысть Батыевщина»), либо «неизвестно-откуда-взятые» (термин Г.М. Прохорова) известия, такие, как уже упомянутое сообщение о ссылке Киприана, вызвавшей «мятеж

в митрополии». Из этого факта мы можем заключить, что цель работы книжника состояла в сопоставлении с целью выявления различий двух версий летописного повествования – Троицкой летописи 1408 г. (по сути дела, Свода Киприана, хотя и завершеного после его кончины) и Свода митрополита Фотия, созданного, по нашим представлениям, около 1418-1419 г. (С1). Ефросин провел поистине научную текстологическую работу, выявив и выписав основные смысловые и хронологические разночтения двух главных летописных памятников своей эпохи. Можно утверждать, что ЛЕ – это не рядовой «кирилловский краткий летописчик», каким он виделся исследователям до сих пор, а серьезный аналитический труд, впоследствии послуживший основой для многих историографических памятников второй половины XV в.

Особый интерес представляет вопрос о том, где был создан ЛЕ. На первый взгляд, ответ очевиден: ведь Ефросин – священноинок Кирилло-Белозерского монастыря; ЛЕ повлиял на летописные памятники, происходящие из той же обители; в самом тексте неоднократно говорится о ростовских епископах, а также упоминается о кончине Кирилла и Христофора Белозерских. Традиционное представление о ЛЕ как о кирилловском произведении, безусловно, возникло не на пустом месте. Однако, могут быть предложены не менее веские аргументы, свидетельствующие о связи ЛЕ с другим монастырем – Троице-Сергиевым.

1) Ефросин использовал при написании ЛЕ текст Троицкой летописи, созданной и хранившейся в XV в., скорее всего, в Сергиевой обители.

2) ЛЕ нашел отражение в тексте Московско-Академической летописи, единственный список которой конца XV в. также происходит из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (на первом и последнем листах рукописи есть запись второй половины XVI в.: «Живоначальные Троицы Сергиева монастыря»).

3) Ефросин вообще проявлял особый интерес к Троицкому монастырю. В научной литературе уже отмечались некоторые обстоятельства, говорящие о связи белозерского книжника с Сергиевым монастырем: наличие в его сборниках указания на количество книг в библиотеке обители и перечня троицких игуменов. С.Н. Кистерев полагал, что Ефросин был в Троицком монастыре с декабря 1474 по декабрь 1476 г.,²⁰⁸ правда, согласно М.А. Шибаеву, книжник в это время находился в Ферапонтове. В тексте ЛЕ мы находим четыре известия, прямо связанных с Троице-Сергиевым монастырем. Перечислим их.

i) «В лето 6883 (1375) ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сынъ в Переяславли Юрии, и крести его преподобнии игумен Сергие старец».

ii) «В лето 6900 (1392) преставися преподобнии игумен Серги. О, святый старец!»

iii) «В лето 6936 (1428) преставися преподобнии игумен Никон, чюдными старец, седиными цветущами, ноября 17, 5 часу дне».

iv) «В лето 6934 (1426) июня 29 сгоре монастыря Сергиева с треть 4 часа дня».

Последнее сообщение находится в дополнительной части ЛЕ, среди пяти записей за 1426-1459 гг. А первые два известия 1375 и 1392 гг., выписанные из Тр, были для Ефросина особенно важны: он вновь их процитировал в записи на полях того же самого сборника РНБ, Кир.-Бел., № 22/1099 (л. 167): «**Сергие преставися в лето 6900** месяца семпевриа 25, жил 70 лет, 30 лет игуменил, а Никон 40 лет игуменил, потом Сава (...) лет. **Юрьи Дмитриевич хрестникъ его**».

208 Кистерев. Круг знакомств Ефросина. С. 297.

4) Наконец, еще один аргумент в пользу гипотезы о Троице-Сергиевском происхождении ЛЕ. М.А. Шибаетов установил, что Ефросиновский сборник РНБ, Кир.-Бел. 53/1130, синхронный сборнику, включающему ЛЕ (РНБ, Кир.-Бел. 22/1099), имеет тождественный водяной знак (две парные филигранные «Корона») с рукописью, переписанной Пахомием Сербом в Троице-Сергиевом монастыре в 1459 г. (РГБ, Собрание Московской Духовной Академии, № 23). Исследователь объяснил этот факт тем, что Пахомий приезжал в 1462 г. на Белое озеро для создания Жития Кирилла и, возможно, привез с собой бумагу, часть которой оставил в монастыре.²⁰⁹

Но Ефросин Белозерский, видимо, был связан с Пахомием Сербом не только использованием одного и того же запаса бумаги. Все в том же сборнике РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 22/1099, Ефросин переписал «Сказание о Ватопедском монастыре». Этот сюжет вошел и в цикл новгородских и афонских произведений «Повести древних лет», который я в специальном исследовании атрибутировал Пахомию Логофету (Сербу) и датировал его письменную фиксацию концом 70-х гг. XV в., (эту легенду, я полагаю, Пахомий записал по памяти на склоне лет, вместе с целым циклом новгородских и афонских преданий). Весьма интересные результаты дает параллельное рассмотрение текстов обоих памятников.²¹⁰

	Пахомий Серб (конец 1470-х гг.)	Ефросин Белозерский (1460-е гг.)
	Сие же о другомъ манастыри Святогорскомъ, еже есть Ватопеде	О Ватопедском монастыре въ Святой горе чудо
1	Бысть в Римстем граде купец некий велми богатъ, и по обычаю своему въсхоте поехать за море. И срядив корабль со всяким товаром, и поеха по морю с женою своею и съ единокровнымъ сыномъ своимъ. И бысть за морем лето все до того же времени, и с великимъ прибыткомъ поиде въ свою землю в корабли по морю, ветру им поносну суццю. И по прилучаю воде им недоставши, яже на потребу, и присташа у Святыя горы.	Некий купецъ в кораблих ходя, случися ему пристати краи моря в реку малу воды деля пресныя, а дружине своей повеле в суды воды наливати, еже и бысть.
2	Купец же онъ и съ женою своею, и с сыномъ своим, – бе бо сынъ его мал велми, учяшеся ходити, яко и еще и языком немутуя бе, – выидоша ис корабля на брег, и прочии корабници, суцшии с ним, и взявше воду, яже на потребу.	А сам изыде с женою своею и съ единокровнымъ сыномъ своим на брегъ походить.
3	И начаша по острову оному ходити, събирающе овощия. И яко бысть год поити им на корабль, и начаше людие собиратися на корабль, и собращася все, отроча же оно хожаше съ материю своею.	Ходящим же имъ,

209 Шибаетов. Списки Софийской I летописи. С. 106-107.

210 Сочинение, приписываемое Пахомию Сербу, приводится по списку РГБ, ф. 113 [собрание Иосифо-Волоколамского монастыря], № 659 (см.: Бобров А.Г. «Повести древних лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 168-169), а версия Ефросина публикуется нами впервые.

4	И внезапно озресе мати его, и не веде младенца своего.	абие бысть отроча ихъ малое без вести, не ведаютъ, камо ся де.
5	И начяша искати все корабници, и по три дни искавше, не возмогоша наити его. И оставльше его, поидоста на корабль, недоумеющеса, или зверь въсхитил будет, или в воду впадеся, или в ровъ вринуся. Ветру же им поносну сущу, родителем же плачущимъ и рыдающимъ неутешно.	Онем же родителемъ его изыскавшимъ съ всею дружиною, и не обретшим его, плакавшим много, и по четырех днехъ отшедшимъ имъ от того места.
5а	И приидоша в дом свои, в град Римъский, и безпрестани тужащим о своемъ чади, и никто же можаше утешити ихъ.	
6	И яко минуло лето, начат жена купца того съветовати мужу своему и глаголати: «Не могу забыть чяда моего. Поедем, господине, и поищемъ его въ Святой горе, некли Богъ помилуетъ нас и услышит наше рыдание слезное, и явит нам чадо наше в живых ли, или въ мертвых есть». И поидоша въ Святую гору. И яко быша на месте ономъ, иде же отрочя оста, и, мало походивше, видят родителие его неизреченное чудо: и се абие отрочя течяше пред ними въ купину.	Гостящим же имъ по странамъ, бысть въ другьи годъ, случися тому же гостю путь приити на то же место, идеже отроча его малое угибло. И бысть ходящу ему на томъ месте, глаголете к себе съ слезами: «Господи, владыко, Исусе Христе, даи ми, Господи, сына моего, чтобы хоти кости обрель его». Абие зреть сына своего играюща.
7	Мати же тече скоро за ним, зовущи его именем: «Чядо, азъ мати твоя, почто бежиши от мене?».	Он же начат звати сына своего и потече к нему съ женою своею съ радостью. Отроча же от них бегущя ятъ. Они же гнашася въследъ его, отроча же убежа от нихъ в купину, рекше в девре, что не мощи человеку проити сквозе. Отрок же под девре малою стезею подлезе и убежа у нихъ. Онема же глаголющима к нему: «Чядо, се азъ, отецъ и мати есве твои!»
8	Он же отвзася ис купины: «Неси ты мати моя. Мати моя зде есть, иже мя кормит».	Он же глаголаше к нимъ: «Есть у мене мати, идеже пребываю».
9	И поидоша в купину къ отрочяти, и видят въ купине икону пречистыя Богоматере, и свещу, пред нею горящу.	Они же начаша девръ сеци, опьступиша около великою дружиною, чтобы не убежа отроча. Абие обсекоша около всю купину, та же узреша камень велии на месте томъ, на нем же въобразися Пречистая Богородица въплочение, и отроча, играюща у нея.
10	Родителие же отрочяти онога начяша въпрашати его: «Како зде пребысть? Или кто питает тебе и греетъ?».	Онем же глаголющимъ къ отроку: «Чядо, како зде пребываль еси? И како погибль еси от нас? И от кого питаемъ еси?»
11	Он же, възревъ на икону преблагословенныя владычица нашея Богородица, глагола: «Сия мя кормит и греетъ, яко мати ми есть. И свеща сия безпрестани горит пред нею день и ноць неугасимо. Тебе же не вемъ, кто еси, и нечто еси привидение».	Отрок же рече: «Ся мя мати моя питала бысть, и ходяще съ мною в местехъ сихъ».

12	И абие родителие падше пред иконою, съ слезами глаголаста: «Что ти въздамы, владычице? Мы недостойнии, яже въздася намъ, яко съблюде чядо наше неврежденно от всякого прилога и навета, и дарова нам неначаянныи дар».	Онема же зрящима на образ, яко и на иконе възбразися видится имь.
13	И певше молебная пред честною оною иконою, и поставиша церковь на том мести, идеже обретоша отрочя и икону Пречистыя в купине, въ имя Пречистыя, честнаго ея Благовещения, и устроиша манастирь велми честен.	Таже на месте томъ създаша церковь прекрасную zelo во имя Благовещенее Пресвятыя Богородица, и манастирь съградиша.
14	Он же благоверныи муж и сам пострижесе в том манастири, и имение свое вдасть в манастирь онъ. И есть и ныне манастирь велми велик и честен, и стена камянна около его. Отрочя же ту и возрасте в манастири ономъ, и въ мнишескии образ облечесе, и потом бысть игумен честен в том манастири.	Сам же пострижесе, и съ сыномъ своим, жену же свою въ женском манастири постриже.
15	Прият же порекло от искони и до ныне Ватопеди, сиречь в купине отрочя. Свеща же горит пред тою иконою во дне и в нощи и до сего дне от оногo огня.	Нарекоша же месту тому Ватопедь.
15a	Въсхотеша же икону ту обложити златомъ, и не благоволи Пречистая. Сеи же манастирь поставлен бысть преже лавры великия.	

Между двумя рассказами о чудесном событии с потерявшимся и обретенным ребенком есть много общего. Полностью совпадает сюжетная схема, вплоть до мельчайших деталей: (1) Путешествующий по морю купец пристает к суше, чтобы набрать воды. (2) Вместе с женой и маленьким сыном они выходят на берег (3) и гуляют. (4) Внезапно обнаруживается исчезновение ребенка; (5) его ищут, но после нескольких дней тщетных поисков отчаявшиеся родители уезжают. (6) Спустя год они возвращаются на то же место, и вдруг видят своего сына. (7) Он убегает от них и прячется в куст. Купец с женой зовут ребенка, говорят, что они – его родители, (8) но он отвечает: «Моя мать здесь». (9) Проникнув в куст, отец и мать видят Богородицу. (10) Они спрашивают сына, как он спасся, (11) и тот отвечает, что его сохранила мать – Богородица. (12) Родители поклоняются ей и (13) создают на этом месте церковь Благовещения и манастирь, (14) в котором принимают постриг. (15) Этот манастирь называется Ватопед.

Если в версии Пахомия повествование развивается неспешно и размеренно, то у Ефросина действие динамично и стремительно. Сербский писатель не забывает отметить, что его купец был «велми богатъ», и корабль у него наполнен «всяким товаром», и торговал он «с великим прибытком», и даже его люди («корабници») не просто так ходили по берегу, а собирали «овоция». Все это важно потому, что в конце концов он не просто стал монахом, но и «имение свое вдасть» в обитель, благодаря чему манастирь становится «велми велик» и имеет каменную стену, а сын купца становится игуменом.

В отличие от думающих о «потребе» персонажей Пахомия, герои Ефросина на месте чудесного события строят церковь «прекрасную zelo». Когда роди-

тели находят сына «играюща» (в небольшом тексте об этом говорится дважды), то устремляются к нему «с радостью»,²¹¹ когда же он скрывается – они активно действуют: «начаша деврь сеци, опьстужиша около великою дружиною, чтобы не убежа отроча. Абие обсекоша всю купину». Слово «дебрь» (в нашем случае – «деврь») в древнерусском языке первоначально значило «долина, ущелье; овраг, ров», а значение, использованное Ефросином («низина, густо заросшая лесом и кустарником», «купина», т.е. то, что можно «сеци») появляется позже, едва ли не с XV-XVI в.²¹² Напомним, что в «Слове о полку Игореве» встречается загадочное выражение «дебрь кисаню», вызвавшее множество различных толкований.²¹³ Следует также особенно отметить, что у Ефросина явно в чести слово «дружина» – оно употреблено на протяжении небольшого текста трижды (в «Слове о полку Игореве» это слово упоминается семь раз²¹⁴).

В основе обоих рассказов лежит один сюжет, более того – один и тот же его вариант. Но за тождеством сюжета скрываются существенные различия в поэтике. По сути дела, перед нами не две разных редакции одного произведения, как полагала М.Д. Каган, а две самостоятельных литературных обработки фольклорного источника. Рассказчиком этой легенды был, скорее всего, святогорец, пострижник Ватоледского монастыря Пахомий Серб, позже сам ее записавший, а вот наличие в сборнике Ефросина другой ее версии позволяет думать, что он бывал собеседником афонского старца. Где эти беседы происходили – в Троицком или в Кирилло-Белозерском монастыре – мы можем только гадать. Но в любом случае книжник Ефросин представляется нам теперь создателем по крайней мере двух оригинальных и неординарных сочинений: летописи и легенды. Его перу, как мы пытались показать, принадлежит и «Задонщина» – архетипный текст и Краткая редакция. Кирилло-Белозерский монах, таким образом, был не просто переписчиком и редактором, но ярким и самобытным писателем.

То, что Ефросин особо интересовался фольклором, следует из целого ряда переписанных им текстов. М.Д. Каган-Тарковская установила, что легенды о перстне, о дьяволе и Ное, Плач Адама, «Слово о Хмеле», «скоморошья» версия «Слова о злых женах», близкое к народному стиху «Слово о правде и неправде» и отдельные пословицы-изречения и загадки в сборниках Ефросина восходят к фольклорным источникам.²¹⁵ К этому перечню следует относить и легенду о

211 Невольно вспоминается, что имя Ефросин в переводе с греческого значит «радостный».

212 См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. С. 15-16; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 197. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля первое значение имеет помету «стар.», а второе – «ныне».

213 Салмина М.А. Дебрь кисаню // ЭСПИ. Т. 2. С. 93-96.

214 См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2: Д-Копье. С. 51-52. Это слово относится к числу наиболее часто употребляемых в памятнике: установлено, что 91% всей лексики «Слова» (включая имена собственные) составляют слова, употребленные от одного до пяти раз (Колесов В.В. Лексика «Слова» // ЭСПИ. СПб., 1995. Т. 3. С. 138.).

215 Каган-Тарковская М.Д. 1). «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 382-386; 2). Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 193-194; 3). Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРА. Л., 1979. Т. 34. С. 250-252 и др.

рукавицах митрополита Киприана, опубликованную в описании сборников Ефросина и в специальной статье М.Д. Каган-Тарковской.²¹⁶ Приведем ее текст: «Киприянь митролитъ видель и наездель в Литовьском такова человека Тритцатора. Станица (*над строкой добавлено: «село велико»*), а в станицы по 12-ти сыновъ, 30 станицъ. И поседель в ызде той, встретиль его человекъ той. Святитель же не причастился ни к чему, у нихъ мало поседель, и вонъ пошель. На столбе (*над строкой добавлено: «на окне»*) рукавки забыль, борзо послалъ по нихъ на то место. Не обретеса ничтоже: ни людеи, ни двора, ни животнаго – святитель не благословиль. Толке бревно оконное, на чемъ рукавки положены» (Кир.-Бел. № 9/1086, л. 96 об. – 97).²¹⁷ Безусловно, перед нами краткая запись легенды о «нечистом месте», сделанная, судя по глоссам над строкой, самим Ефросином Белозерским. Таким образом, Кирилло-Белозерский книжник был, можно сказать, первым и единственным вплоть до XVII в. древнерусским книжником, проявлявшим столь явно свой интерес к фольклору. В Новгород-Северском княжестве он неизбежно должен был познакомиться с местным дружинным фольклором, что объясняет несомненную связь «Слова о полку Игореве» с устно-поэтической традицией.

Итак, мы полагаем, вслед за М.А. Шибаевым, что «Слово о полку Игореве» содержит чтения, вторичные по отношению к летописи XV в., а именно к Своду митрополита Фотия (конец 1410-х гг.). Не позже 1474 г. «Слово» было использовано при создании «Задонщины» священноиноком Ефросином в Кирилло-Белозерском монастыре. Сам Ефросин Белозерский был не переписчиком-копиистом, а творцом. Он владел всем кругом текстов, необходимых для создания «Слова о полку Игореве». Д.С. Лихачев приводит список памятников, которые должен был бы знать создатель «Слова», если он жил не в домонгольскую эпоху, включающий, в частности, известные Ефросину Белозерскому тексты: летописи, «Историю Иудейской войны», «Моление Даниила Заточника», «Двенадцать снов Шахаиши», Слова Кирилла Туровского, «Слово о законе и благодати» Илариона, «Слово о воскресении Лазаря», «Хронику» Георгия Амартола, «Хронику» Манассии, «Слово о гибели русской земли», «Хождение игумена Даниила».²¹⁸

Если мы представим себе в целом историю комплектования существующих ныне собраний древнерусской рукописной книги, то увидим, что подавляющее большинство кодексов XI-XVI вв. дошло до нас через посредничество церквей и монастырей. Можно сказать, что в хорошей сохранности до наших дней дошла только церковная книжная традиция, сосуществовавшая, очевидно, в Древней Руси с другой – княжеской. Тот факт, что отец Владимира Мономаха, «дома сядя, изуменяше 5 языкъ»,²¹⁹ заставляет нас задуматься о возможности бытования рукописных книг на европейских языках в древнерусской княжеской среде, но такие рукописи до нас, за редким исключением, не

216 Каган-Тарковская М.Д. Чудо митрополита Киприана: (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 234-238.

217 Каган и др. Описание сборников. С. 117.

218 См.: Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. М., 1982. С. 164.

219 Поучение Владимира Мономаха /Подгот. текста О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI-XII века. С. 464.

дошли. Очевидно, не дошли до нас и многие другие памятники, относившиеся к княжеской рукописной традиции, поэтому мы пока о ней мало что знаем. Отец Ивана Дмитриевича – князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, – во всяком случае, был «книжным» человеком. Об этом свидетельствуют его противники, церковные иерархи, направившие ему в 1447 г. Послание с призывом прекратить борьбу за великое княжение. Приведя ряд примеров из Священной истории, авторы послания говорят Шемяке, что могли бы еще много писать, «но сам, господине, как ты дал Бог разум, потонку разумеешь Божественное писание».²²⁰ Конечно, не случайно Дмитрий Шемяка отдал сына в обучение именно в Юрьев монастырь под Новгородом, знаменитый своими книжными древностями.²²¹

Реконструируемая нами биография Ефросина позволяет объяснить наличие в списке «Слова о полку Игореве» диалектных особенностей: с одной стороны, новгородско-псковских (детство в Юрьевом монастыре под Новгородом²²²), а с другой – западнорусских и брянских (годы жизни в Оболчи и в Новгороде-Северском). Сам Ефросин одно время был Новгород-Северским князем, защищавшим от «поля» южные рубежи княжества, поэтому тема похода в степь князя Игоря была ему особенно близка и вызывала глубокие личные ассоциации.

Многие лингвисты полагают, что изучение языка «Слова о полку Игореве» уже само по себе якобы подтверждает написание памятника в XII в., и что сомневаться в этом могут только «историки и филологи», несведущие в языкознании. Однако наличие в тексте многочисленных языковых явлений XV – начала XVI в., обычно относимых исследователями на счет «копииста» – создателя Мусин-Пушкинского списка, существенно усложняет проблему. По мнению академика А.А. Шахматова, поддержанному другим академиком – В.В. Виноградовым, «Слово о полку Игореве» «в том виде, в каком оно известно нам, это собственно *литературно-книжное произведение XV – начала XVI в.* (курсив мой. – А.Б.), сохранившее, однако, в своей словесной художественной структуре некоторые связи с киевским дружинным эпосом», поэтому следует «разграничивать проблемы реконструкции первоначальной дружинной песни и изучения «Слова» как литературно-книжного произведения XV-XVI в.».²²³

Результаты проведенного исследования позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что автором записки «Слова о полку Игореве», создателем его как *литературного произведения* был князь Иван Дмитриевич Шемякин, в иночестве Ефросин Белозерский – в этом убеждает уникальность сочетания его «дружинного» новгород-северского прошлого, интереса к фольклору и книжной образованности профессионала-летописца.

220 Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1986. С. 114.

221 См.: Бобров А.Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 15-23.

222 С.П. Обнорский на основании анализа лингвистических данных пришел к выводу о новгородском происхождении переписчика Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве» (Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946. С. 132-198).

223 Виноградов В.В. Изображение русского литературного языка в изложении акад. А.А. Шахматова // Филолошки преглед. 1964. № 3-4. С. 77.

По всей видимости, как и весь западноевропейский эпос, дружинный фольклор Киевской Руси дошел до нас в относительно поздней записи и обработке ученого монаха.